

Андреас Хертч

Духовный опыт
В
повседневной жизни

Духовный опыт в повседневной жизни

Впервые данная книга была опубликована на немецком языке под названием Geistige Erfahrung im Alltag, Eine Einladung в издательстве Free Spirit Life & Urachhaus Publishing House, Штутгарт в 2007 г.

Иллюстрация на обложке: © Getty Images, München.

© 2022 Andreas Heertsch

© 2022 Андреас Хертч

Духовный опыт
В
повседневной жизни

Андреас Хертч

Перевод на английский язык выполнен под редакцией
Джима Хемингуэя

Перевод с английского на русский язык выполнен в
2023 году

“То, что мы относим к высшим ступеням познания, вовсе не чуждо сознанию
обыденному: интуиция, инспирация, имагинация и логическое мышление
присутствуют уже в повседневной жизни, и при развитии высшего познания
требуется только поднять их в своё сознание” (GA 205-9).

Содержание

Введение	4
1. Барбаросса или Реальность, стоящая за повседневными событиями	6
2. Духовный опыт в повседневной жизни	14
Приглашение	
3. Бездна	18
“Зла не существует” — утверждает Зло	23
4. Пересечение точки невозврата	28
5. Восприимчивость и непоколебимость	33
6. Страх ученого перед Имагинацией	37
Озарение Духовных Существ собственным Светом	38
Значение образов для сверхчувственного познания	39
7. От Имагинации к Инспирации	42
Всегда ли должны присутствовать образы?	42
8. Об Инспирации	46
Чтение Книги Природы	
Достижение пустого сознания	47
Инспирация и Истина	48
9. На краю Абсолютной Истины	51
Об интуиции	
10. Ступени Высшего Познания	54
Имагинация	54
Инспирация	55
Интуиция	56
Четыре отношения к чувственному опыту	57
Эпилог	60
Список иллюстраций	62
Об авторе	63

Введение

Большинство введений к книгам являются довольно формальными, как по стилю, так и по содержанию; наше введение не будет следовать данному направлению. Нас с Андреасом разделяет не только огромное расстояние между Швейцарией и США, но и языки — немецкий и английский. Однако, у нас есть одна необычная общая черта. Мы оба с детства испытываем естественную тягу к электронике, и с возрастом это стремление становилось все сильнее. Мы наслаждались взаимодействием с аналоговой электроникой, задолго до того, как более 40 лет назад появились первые цифровые устройства. Очарованные “падшим светом”, рожденным из электричества, мы создавали, тестировали и ремонтировали невообразимое разнообразие электронных устройств, не имея за плечами какого-либо элементарного образования в области электроники, тем самым ставя в тупик наших родителей, пытающихся понять, откуда же в нашем ДНК появилась эта страсть к электронике. Повзрослев, я так же стал задумываться над этим вопросом. Инстинктивно я всегда знал, как отремонтировать неработающее электронное устройство любой сложности или, если требовалось, мог собрать новое. Были моменты, когда я чувствовал, что получаю поддержку из неизвестных мне, невидимых источников. К счастью для меня, благодаря одному замечательному учителю в последний год обучения в старшей школе, я углубился в изучение английской литературы, которое продолжалось на протяжении моего обучения в колледже, а также и после его окончания. В течение нескольких лет я преподавал литературу и писал для подростков. Мои ученики были озадачены моим даром взаимодействия с технологиями не меньше, чем мои родители много лет назад. “Откуда у меня этот талант?”, — спрашивал я себя снова и снова, чувствуя себя как “рыба в воде” в этих двух столь непохожих друг на друга мирах.

Весной 2021 года представители Гётеанума, всемирного центра Антропософии, расположенного в Дорнахе, Швейцария, обратились к Андреасу с просьбой помочь членам Антропософского общества создать онлайн-платформу для их ежегодного собрания. Пандемия Covid-19 не позволила им провести это собрание публично. Это был не первый случай, когда сотрудники Гётеанума обращались к Андреасу за технической помощью. Также они попросили Андреаса, написать небольшую статью для майского выпуска информационного бюллетеня Антропософского Общества, в которой бы он рассказал о своей роли в развитии применения технологий в Гетеануме. “Я думаю, что должен упомянуть еще об одном очень важном аспекте,” - писал он в статье - “а именно о тех маленьких помощниках, которые заботятся о том, чтобы Общее Годовое Собрание, проводимое в 100% онлайн формате, не обернулось технической катастрофой”. А затем, иронично добавил: “Эти духи прекрасно знают, что: *sine me nihil!* Без них ничего не происходит!”

Прочитав эти строки, я сразу понял, что впервые в жизни встретил единомышленника, для которого технологии являются тем же, чем они являются

для меня. Более того, он абсолютно уверен в той поддержке, которую мы получаем из Духовного мира. И тогда я решил написать письмо сотрудникам Гётеанума с просьбой прислать мне адрес электронной почты Андреаса. Я надеялся, что он сможет более подробно рассказать мне о тех невидимых существах, которые проявляют настоящий интерес к нашей работе с электроникой и цифровыми технологиями. Вскоре я получил ответ от Андреаса, который содержал историю из его книги *Geistige Erfahrung im Alltag* (Духовный опыт в повседневной жизни), рассказывающую о его опыте общения с Барбароссой. Когда он узнал, что я преподавал английский язык в средней школе, а также являюсь страстным энтузиастом электроники, он спросил меня, могу ли я отредактировать английский перевод его книги. Как я мог отказаться?

Редактирование английского перевода немецкого текста, следующего за этим введением, было непростым делом. Неудивительно, что Андреас прибегал к помощи компьютерных программ, чтобы перевести свою книгу на английский язык. Подобные программы довольно хорошо справляются с простым повествованием, но оказываются почти бесполезными, когда необходимо перевести текст, написанный сложным языком, содержащим описания духовного опыта. Такие слова и понятия, как *Abgrund* (Бездна), имеют иной смысл в английском языке. Обычно Американцы представляют бездну в смысле глубокого места, подобно Гранд-Каньону в Аризоне. В противоположность им, носители немецкого языка часто используют это слово для описания особого духовного состояния, с которым сталкивается человек, проходя начальные стадии своего духовного развития. С другой стороны, английский язык особенно хорошо подходит для повествовательного изложения. Помимо глубокого взгляда на духовный опыт и способов его изучения в повседневной жизни, в своей книге Андреас приводит несколько историй о своих встречах с окружающими нас, невидимыми существами. Путь достижения духовного опыта отнюдь не прост, поскольку мы привязаны к материальному миру пятью чувствами, имеющимися у нас с рождения. Андреас рассказывает нам о способах, позволяющих расширить наши обычные знания о чувственном мире. Путь к пониманию духовной основы нашего мира будет уникальным и сложным, но, рассказы и обсуждения, которые последует далее, предоставят в наше распоряжение некоторые полезные идеи о том, как можно начать исследовать невидимый духовный мир, окружающий нас во время бодрствования.

Джим Хемингуэй, ноябрь 2021 г.

Барбаросса

или

Реальность, стоящая за повседневными событиями

Иногда происходит нечто неожиданное. Несколько лет назад я был на показе одной из драм-мистерий Рудольфа Штайнера "Испытание души", проходившем в Большом зале Гётеанума (Дорнах, Швейцария). Только зрители в зале начали успокаиваться, ожидая открытия занавеса, как вдруг, со стороны одной из присутствующих дам, раздался неожиданный резкий звук, похожий на сигнал будильника или смартфона. Вздрогнув, владелица пищащего устройства молниеносно схватилась за карман своего пиджака и попыталась быстро выключить источник звука, однако ее соседи все же возмущенно заерзали на своих местах. Вновь вернулось спокойное ожидание; наконец занавес был поднят, и перед зрителями начала разворачиваться первая картина. Внезапно, снова раздался электронный сигнал. Кто-то из зрителей стал поворачиваться в разные стороны, пытаясь определить откуда идет этот звук; другие, наоборот, раздраженные этим вторжением, терпеливо хмурились и пытались сосредоточиться на представлении. Растерянная хозяйка, смущенная тем, что вновь нарушила тишину, наконец выключила свое пищущее устройство, и в зале воцарилась сосредоточенная тишина, сохранившаяся до конца представления.

После второго сигнала, у меня в голове, кто-то неожиданно произнес — "Почему меня никто не слышит?" Удивленный и ошеломленный этим вопросом, исходившим от чужого голоса, я непроизвольно вытянул руку, предлагая ее в качестве, своего-рода скамьи, на которую вопрошающий мог бы сесть и продолжить разговор. Почти сразу на ней появился маленький человечек и посмотрел на меня широко раскрытыми и непонимающими глазами. Я попытался объяснить ему — "сейчас не время тебе звонить и устраивать такие беспорядки!" Озадаченный малыш нахмурился, однако выслушал мое дальнейшее объяснение. "Мы, люди, смотрим важную постановку на сцене! В ней рассказывается о том, как мы можем воспринимать мир, из которого ты явился." Поблагодарив меня за ответ, мой неожиданный гость прищурил глаза и — Пуф! — исчез.

Те из вас, кто знает и ценит сказки, не сильно удивятся моей историей. Невидимые существа, подобные тому, что сидел у меня на руке и требовал к себе внимания, не такие уж и незнакомые гости из мира духов, граничащего с нашим физическим миром, в котором мы живем. Безусловно, "Маленький человечек" не существует в том виде, который представляют себе большинство из нас, и, хотя я рассказываю об имажинативном восприятии, тем не менее оно носило вполне реальный характер. Научному уму, отлично разбирающемуся в "мере, числе и весе", будет трудно поверить в реальность моей истории. Наш разговор состоял из слов,

которые никто из нас не произносил вслух. Сначала моя реакция на мешающие звуки походила на реакцию сидящих рядом со мной зрителей. Меня так же, как и их, раздражала эта помеха, и я усиленно старался сосредоточиться на происходящем на сцене. Как вдруг, мой настроивший интерес к сверхчувственному миру и мои упражнения по развитию Имагинации, неожиданно для меня, сделали возможным наш ненаучный разговор с этим маленьким возмутителем спокойствия. Мой собеседник оказался невысокого роста и имел ничем не примечательный вид, что соответствовало той незначительной степени беспокойства, которое он причинил нескольким людям в зале. Однако зная о связи некоторых из таких невидимых существ с электронными устройствами, я почти не удивился, услышав сначала голос, а затем и увидев настоящую причину произошедшего инцидента.

Всю свою жизнь я был связан с миром механических и электронных устройств. Еще в юности, я сконструировал осциллограф, и чуть не убил себя электрическим током, включив в розетку собранное устройство. И все из-за высокого напряжения, которое было нужно для работы электронно-лучевой трубки, отображающей на экране электрические колебания. Подобные трубки использовались в старых телевизорах, выпущенных более 40 лет назад. Это событие стало одним из тех, что привели меня к серьезной медитативной работе, посвященной в том числе и исследованиям в области техники. После произошедшего, я стал ощущать присутствие невидимых существ, населяющих такой странный мир электричества, часто помогающих, а иногда и мешающих мне, во время моего взаимодействия с техникой. По мере того, как росло мое понимание элементарных существ, связанных с устройствами, все чаще со мной происходили события, кажущиеся магическими. Мне всегда необычно везло с ремонтом компьютеров моих коллег на работе! Зачастую, слушая объяснение возникшей проблемы, я уже знал в чем она заключается. К всеобщему удивлению, мои простые манипуляции часто возвращали к жизни неработающее устройство! Компьютеры начинали идеально работать по причинам, которые сейчас я понимаю гораздо лучше, чем в то время.

Как уже было сказано, со временем, я стал лучше понимать этих элементарных существ, которых привлекала моя работа с техникой. Однако, они не всегда были добры ко мне. Иногда мне казалось, что у них просто нет совести и они наслаждаются шалостями. Однажды, я провел много часов за компьютером, работая над сложной и обширной статьей, посвящённой одному из моих исследовательских проектов. Наконец довольный тем, что работа завершена, я откинулся на спинку кресла и нечаянно задел ногой кнопку “Сброс” на системном блоке, который стоял у меня под столом. В одно мгновение вся моя работа исчезла! Я был уверен, что слышу игривое хихиканье, исходившее от моих невидимых коллег. Как ни странно, я тоже рассмеялся над произошедшим.

Но, иногда неодобрение со стороны невидимых существ носило весьма разрушительный характер. 40 лет я проработал в Институте Hiscia (Арлесхайм, Швейцария), специализирующимся на исследованиях в области лечения рака, и был ведущим разработчиком машины, с помощью которой смешивают соки омелы при

производстве противоопухолевого препарата Iscador. В 1922 году Рудольф Штайнер описал процесс изготовления данного препарата при помощи специальной смешивающей машины, однако собрать ее удалось лишь в начале 1970-х годов. Доктор Штайнер указал, что необходимо смешать сок омелы, собранной зимой с соком омелы, собранной летом, при помощи круглого диска, диаметром 1 метр, вращающегося со скоростью 10 000 оборотов в минуту. Доступность титана привела к возможности создания подобного диска, который бы не разлетался на части или не взрывался во время работы устройства. Соки омелы смешиваются на поверхности диска, вращающегося на очень высокой скорости (около 1900 км/ч). При этом, сила, действующая на соки, в 55 000 раз больше силы земного притяжения. Созданная машина работает на пределе своих технических возможностей.

В институте были установлены две одинаковые машины, одна для исследовательских целей, а другая предназначалась непосредственно для производства препарата. По мере роста производства, мы начали обсуждать возможность создания вращающейся пластины из пластика или углеродного волокна, что сделало бы ее более безопасной в эксплуатации и более эффективной при смешивании соков омелы. Одна из проблем, с которой мы столкнулись, заключалась в том, чтобы найти способ изоляции смешиваемых соков от пластика, из которого изготовлен диск. Учитывая то, что при терапии препарат Iscador вводится подкожно, защитное покрытие диска должно было соответствовать существующим нормам, установленным для пищевых продуктов.

Мы нашли компанию, расположенную в небольшом городке, у которой был большой опыт по нанесению защитного покрытия, удовлетворяющего всем нашим требованиям. Погрузив наш новый пластиковый диск, весивший около 200 кг, в грузовик мы отправили его на предприятие для обработки. За день до того, как покрытие диска должно было быть завершено, мне позвонил руководитель этой компании и сообщил, что неожиданно раздавшийся телефонный звонок, отвлек мастера, что привело к нарушению процесса сушки, и теперь требуется отшлифовать диск, а затем заново нанести защитное покрытие. Этот несвоевременный телефонный звонок привел к шестимесячной задержке и нарушил наш график тестирования нового устройства в специальной шахте, где мы проверяли, что оно сможет выдержать экстремальные обороты вращающегося диска.

С некоторых пор я стал задаваться вопросом, не связана ли была эта неожиданная задержка с тем, что кто-то хотел мне что-то сообщить... что этот проект окажется злополучным, и его следует прекратить. Однако, коллеги, участвовавшие в этом проекте, пытались убедить меня в том, что мои сомнения напрасны. “Все будет хорошо!” — говорили они. В конце-концов я поддался их уговорам и мы приступили к испытанию нового диска из пластика. Целью эксперимента была необходимость разогнать его до 12 000 об/мин. Испытательный стенд находился внутри стальной камеры, которая смогла бы защитить нас от любых травм, в случае если бы вдруг вращающийся диск разлетелся или взорвался. Мы вдвоем — оператор, мастер и я — с беспокойством наблюдали за электронным дисплеем, отображавшем вибрации вращающегося диска, тем самым выявляя любой дисбаланс, который мог бы

возникнуть по мере увеличения скорости вращения. При скорости 9000 об/мин цифры на дисплее внезапно отразили критическую ситуацию. “Что-то идет не так”, — тихо сказал наш оператор. Но, при 10 500 об/мин показания на дисплее вернулись к допустимым значениям. А затем, при 11 250 об/мин, немного не дойдя до 12 000 об/мин, из испытательной шахты раздался грохочущий звук, не предвещавший ничего хорошего, и мы втроем тут же прыгнули в укрытие, расположенное за защитной стеной. В последующие несколько минут из шахты доносился дикий грохот, перемежающийся с небольшими жуткими паузами, который затем сменили громкие, зловеще-гулкие звуки. И вдруг внезапный взрыв сотряс стальную испытательную камеру, после чего наступила гробовая тишина. Осторожно открыв дверь испытательной камеры, мы оказались окутанными клубами вырвавшегося из нее дыма.

— Вызвать пожарных? — спросил мастер. “Да, — ответил я, — нам необходимо отвести из камеры жар, возникший из-за взрыва”. Вскоре прибыл начальник пожарной охраны и осмотрел повреждения. Но к тому времени дым начал заполнять все здание, в котором мы работали. Вокруг начали собираться наши коллеги, которым стало любопытно посмотреть, что там у нас произошло. Пожарник попытался найти хотя бы один огнетушитель, но поблизости их не оказалось. Обыскав остальную часть здания, он вернулся с двумя углекислотными огнетушителями, один из которых он тут же разрядил в дымящуюся камеру. В ответ на его действия, из камеры вырвалось облако белого пара, вид которого напомнил мне сцену на ведьминой кухне из “Фауста” (Гете), во время которой Мефистофель и ведьмы проявляют свою демоническую силу. Затем, мы услышали, как из испытательной камеры стали раздаваться странные потрескивающие звуки, которые побудили особенно любопытных зрителей приблизиться к ней. Внезапно раздавшийся взрыв потряс все наше здание, и вместе с ним из камеры вырвался огромный вихрь пламени. “Теперь дьявол на свободе,” — пробормотал я себе под нос. Взрыв заставил зрителей быстро отпрянуть назад; к счастью, никто из них не пострадал. Это была вовсе не та поддержка, в которой я нуждался и которую я ожидал от невидимых существ. Ну и беспорядок мы учинили! Теперь нам предстояла долгая уборка.

Вечером того же дня, по дороге домой мне пришла мысль о том, что за всем этим могли стоять невидимые существа. Находясь в состоянии стресса из-за аварии, я проигнорировал это озарение и продолжил управлять автомобилем. “Не сейчас”, — сказал я себе, упуская данную возможность. Позже я понял, что мог бы усилить свое восприятие и напрямую обратиться с вопросами к этим существам, впрочем, тоже самое я мог бы сделать еще несколько лет назад, беседуя с маленьким человечком, сидевшем у меня на руке, во время представления в Большом зале Гетеанума. И тогда я бы должен был воспринять его вопрос так: “Почему **ТЫ** меня не слышишь?”, что сделало бы мою связь с ним гораздо непосредственной. В конце концов я решил проверить экспериментальным путем, действительно ли такое существо сопровождает меня. Вдохновением для этого шага послужила книга под названием “Карлик: встречи с элементарными существами”, которую дала мне моя подруга.

Автор книги, Урсула Буркхард, описывает свою дружбу с карликом, который, как она объясняет, может переходить на физический уровень бытия, желая обратить на себя наше внимание. Она объясняет, что такому существу нет надобности в физическом теле для того, чтобы стать доступным нашему сознанию. Он помогает нашему воображению создавать образы, через которые мы можем воспринимать его. Ясность ее высказываний об элементарных существах произвела на меня сильное впечатление, язык книги понятен и пронизателен, а по своему стилю весьма близок к научной литературе. С давних пор известно, что элементарные духи бесконечно умны, но несмотря на это любят детские сказки и им нравится общество детей. Ведь маленькие дети еще не научились смотреть на мир глазами взрослых. Моя жена Ивонн начала вести уроки музыки у первоклассников в местной школе, и я подумал, почему бы моему невидимому спутнику, если он действительно существует, не побывать на ее уроках. Я решил съездить в магазин игрушек и купить какое-то подходящее физическое воплощение моему невидимому компаньону, которое затем могло бы отправиться в класс на уроки Ивонн. Это был первый эксперимент: поможет ли он мне выбрать подходящее ему представление? Внутренним голосом я спросил своего спутника, какой образ ему подойдет. Зайдя в магазин игрушек, я заметил на полках несколько гномов. “Они выглядят мило!” - подумал я. Утвердительного ответа не последовало. Затем я обошел магазин и нашел других гномов, один из которых оказался довольно дорогим. “Этот!” прозвучал ответ. “Хорошо, — проворчал я про себя, — у тебя высокие запросы! Ладно, я возьму все расходы на себя!”

Я договорился со своим “партнером”, что первый ребенок, который обнаружит его, сможет дать ему имя. Получив от меня гнома, Ивонн отнесла его в свой класс и незаметно поставила на подоконник. План состоял в том, чтобы проверить, сколько пройдет времени, прежде чем кто-то из детей в классе обратит на него свое внимание. Прошла неделя, и вдруг один ребенок заметил его. “Как мы его назовем?” — спросила Ивонн. “Рыжая Борода” последовал ответ первооткрывателя, и тут же он перефразировал его в “Барбаросса” - имя рыжебородого великана из Германской мифологии, истории о котором насчитывают вот уже тысячу лет. С тех пор, к большому удовольствию детей, Барбаросса присутствовал на уроках Ивонн. Итак, благодаря детям из класса, мой вопрос о существовании элементарного существа, которого я воспринял имагинативно в Большом зале Гетеанума, нашел свое разрешение столь неожиданным образом.

Несколько недель спустя Ивонн вернулась домой расстроенной и сказала, что потеряла в школе свой кошелек вместе с ключами. Уже собиравшись заблокировать ее кредитные карты, я решил посоветовать ей обратиться к Барбароссе и попросить его о помощи.

“Как это сделать?” — спросила она.

“Ну, представь его в своем воображении и затем спроси, где теперь твои пропавшие ключи и кошелек”, — ответил я.

Следуя моему совету, Ивонн обратилась к гному. Однако, ничего не произошло. Но, через пять минут она вспомнила, что, уходя из школы, второпях

спрятала ключи и кошелек в футляр из-под гитары. Через некоторое время, в другой школе, где Ивонн так же преподавала музыку в начальных классах, и куда она привезла с собой Барбароссу в холщовом мешочке, произошел подобный случай. Был холодный зимний вечер, выйдя из школы, моя жена обнаружила, что обронила одну из своих перчаток где-то в классе. Вернувшись обратно в школу, она попыталась отыскать пропажу, но даже с помощью директора, не смогла найти свою перчатку. С Барбароссой снова посоветовались; полученный ответ рассмешил ее: “Поищи в тканевом мешочке, в который ты положила моего представителя!” И вот она, пропавшая перчатка, лежит в тканевом мешочке, который стоит на сиденье ее машины. А в нем удобно устроился гном, готовый отправиться в новый класс, чтобы вновь порадовать любопытных детей.

Так и мне, ежедневно, Барбаросса напоминал о своем постоянном участии в моей жизни. Однажды я решил, что должен рассказать своим коллегами и друзьями о моем невидимом рыжебородом компаньоне. В тот момент, когда я подумал об этом, большая банка с маслом неожиданно выскользнула из моих рук и ударившись об пол, разлетелась на множество осколков, учинив при этом огромный беспорядок. “Хорошо, — воскликнул я, — я понял намек. Я передумал и ничего не буду рассказывать о тебе...”

Взаимодействие с Барбароссой выглядит весьма интересным образом. Снова и снова он напоминает мне о себе тем, что что-то падает или работает не так, как следовало бы этого ожидать. Кажется, он придает большое значение тому, чтобы постоянно присутствовать в моем сознании. И я думаю, что он и подобные ему существа зависят от того, знают ли люди о них и желают ли с ними сотрудничать. Со временем препятствия, как большие, так и малые, которые эти невидимые существа способны привнести в нашу жизнь, начинают постепенно исчезать из нее. Те маленькие неприятности и череда неудач, с которыми я иногда сталкивался во время своей работы, кажется, в большинстве своем уже преодолены. Сюрпризы случаются только тогда, когда Барбаросса недоволен вниманием к себе. Замечу, что со мной это происходит довольно часто. И всякий раз, когда что-то вываливается у меня из рук, я вижу в этом его участие. Однако со временем наше сотрудничество, если это можно так назвать, стало гораздо более тесным и целенаправленным.

Несмотря на все сказанное, время от времени, все-таки случаются неприятности. Недавно я захотел перенастроить систему управления у нового фрезерного станка, который мы только что приобрели для нашей мастерской. При запуске станка после наладки произошло короткое замыкание!!! Сгорел контроллер. Я заказал запчасти. Когда их доставили, оказалось, что они не подходят и нам пришлось их заказывать снова! После третьей попытки ремонт станка начал подавать признаки жизни. “Барбаросса, что за дела?” — воскликнул я. Однако он заметил, что не может мириться с моей беспечностью, с которой я отнесся к настройке и ремонту станка. И поэтому я решил отправить контроллер производителю, чтобы тот сам выполнил его ремонт. Но когда затем, я попытался обратиться к Барбароссе, тот оказался недоступным для моего сознания.

Духовный опыт в повседневной жизни

Приглашение

Однажды, между Рудольфом Штайнером и Гербертом Ханом, учителем первой Вальдорфской школы в Штутгарте (Германия), основанной в 1919 году, произошел следующий разговор:

Герберт Хан: Доктор, как можно представить себе ангела?

Рудольф Штайнер: Представьте себе его как-нибудь.

Герберт Хан: Но, Доктор, трудно представить себе то, что ни разу не видел!

Рудольф Штайнер: Дорогой Доктор Хан, неужели Вы думаете, что ангел не поможет вам сделать это должным образом?

Я приглашаю вас взглянуть на то, что я называю зрелым подходом к духовному опыту, особенно на тот опыт, который связан с Имагинацией, Инспирацией и Интуицией.

Здесь не идет речь о том идеалистическом настроении, которое возникает у людей в подростковом возрасте. “Когда я вырасту, я буду делать упражнения и стану посвященным!” Многие переживали этот настрой в юности, но выполнение подобных упражнений из различных духовных течений, часто приводит к тому, что мы начинаем все больше задумываться над тем, а возможно ли достичь поставленной цели. В поисках правильной духовной формулы может пройти вся жизнь целиком. И поэтому необходим более зрелый подход, когда указанный переходный этап был уже пройден человеком.

Я вовсе не имею в виду то, что следует избегать подобных занятий, носящих юношеский идеалистический характер. Но я говорю о том, что люди должны взрослеть и при этом меняться с возрастом. Даже если первые попытки упражнений оказались неудачными, все равно важно вступить на этот путь. И если мы всегда будем готовы к переменам и останемся открытыми для них, то любой полученный нами духовный опыт, окажется он полезным или нет, принесет свои плоды.

Я хотел бы предложить вам некоторые практические идеи, благодаря которым можно стать духовно более активным в повседневной жизни, развить Имагинацию, Инспирацию и Интуицию, которые затем можно безгранично расширять и углублять.

Я не являюсь гуру, который предлагает вам следовать заранее установленным правилам. Часто говорят, что тот, кто покинет незыблемый замок Разума, вскоре обнаружит, что абсолютных истин не существует. За пределами этого замка можно

получить уникальные духовные переживания, часто проявляющиеся в нашей повседневной жизни самым неожиданным образом. Никто не застрахован от неверных шагов и неудач, и могут пройти годы, прежде чем будет получен хоть какой-то опыт, подобный тому, о котором шла речь в моей истории о Барбароссе. Но такой опыт обязательно обретет тот, кто несмотря ни на что, останется открытым для всего нового.

Впереди вас ждет сложное повествование. Путь к высшему знанию не прост. Большинству читателей дальнейшее изложение может показаться необычайно разрозненным. Я считаю, что практикующий тем успешнее продвигается на своем пути, чем больше он знает на что следует обращать внимание. В отличие от него, теоретик, захваченный собственными предвзятыми представлениями, жаждет опыта, и в то же время отвергает его, потому что реальный опыт не вписывается в его парадигму. Я расскажу о некоторых из действительно пережитых мной сверхчувственных переживаниях, которые не являются плодом воображения, возникшем на путях моего стремления к сверхчувственному познанию. Тем не менее, я не смогу дать полный обзор всех областей, полученного мной духовного опыта. Оставим это более развитым индивидуальностям. Вместо этого я хочу описать то, как повседневная жизнь со всеми ее банальностями и мелочами часто позволяет человеку углубить его духовный опыт и в то же время делает возможным описать эти переживания, используя когнитивные термины. Такой духовно-научный подход к жизни не всегда может быть успешным. Процесс превращения жизненного опыта в духовное знание всегда требует от человека готовности и способности к корректировке выбранного курса, подобно кораблю, плывущему в неизведанных водах.

Вот почему рассказы о своих духовных переживаниях я перемежаю описанием моих духовных исследований, посвященных поиску их смысла и значения. Конечно, было бы проще создать подробную философскую эпистемологию, исключаящую повседневный чувственный опыт, но я уверен, что будет намного правильней попытаться углубиться в мир чувств и затем преобразовать его в сверхчувственный опыт посредством познавательного усилия. Ведь мир чувств — физический мир — древнейший из всех миров, является благодатной почвой не только для Мефистофеля, но также и для других Существ. Тем не менее, чувственный мир содержит в себе первозданную сложность. И слова Мефистофеля, в конце первой части гетевского “Фауста”, служат тому подтверждением:

Еще бы! Бог, трудясь шесть дней
И на седьмой воскликнув "браво",
Мог что-нибудь создать на славу.¹

Любое гносеологическое проникновение в этот мир требует проведения дальнейшего исследования, которое порой не под силу естественно-научному

¹ И.В. Гете, “Фауст”, часть I. Перевод Б. Пастернака.

способу мышления. Рутинные философские размышления зачастую оказываются бесполезными. Так что мой подход к исследованию сверхчувственного мира может показаться весьма необычным всем тем, кто заинтересуется моими открытиями. Дорогой читатель, предупреждаю вас, это будет необычное приключение.

Бездна

Имея самые благие намерения и будучи охваченным рвением, человек может начать осваивать различные духовные практики. Однако в какой-то момент он может обнаружить, что угодил в бездну. Подобные моменты в жизни человека современная Западная культура часто называет экзистенциальным кризисом или кризисом среднего возраста. Так или иначе, для человека, идущего по пути духовного развития, бездна оказывается весьма неприятным сюрпризом. И осознание того, что бездна поглотила тебя, вовсе не означает, что можно запросто выбраться из нее, даже если выполняешь надлежащие упражнения. Кто-то даже сможет заметить: “От этих упражнений я стал еще хуже, чем был до этого.”

Несмотря на то, что Рудольф Штайнер говорил о том, что нужно продолжать делать упражнения, которые он дал в своей книге “Как достигнуть познаний высших миров”, даже если порой кажется, что достигнутый прогресс весьма незначителен, я считаю, что данная рекомендация не является универсальной. Такая настойчивость может привести к тому, что человек будет ожидать спрогнозированного результата вместо того, чтобы внимательно наблюдать за тем, что происходит во время и после выполнения упражнений. В действительности, ничего из того, что ожидается, не произойдет, а то, что происходит на самом деле, упускается из виду или объявляется неважным, из-за незначительности своего проявления, истиной причиной, которого является слабое сознание практикующего. И после долгих лет усердного выполнения духовных упражнений, пребывающий в глубинах бездны, восклицает – “Неужели сверхчувственный мир все еще считает меня недостойным кандидатом?”

Неудивительным будет и то, что, когда духовные практики начнут приносить свои плоды, противоположные ожидаемым, человек может стать хуже, чем был до этого. В этот момент он может стать жертвой самообмана. Человек может превратиться в карикатуру на “антропософа”, который на все вопросы будет отвечать шаблонными фразами, наполненными ложным чувством своих мнимых достижений. Он будет играть роль того, кем он хочет стать, вместо того чтобы признать свое поражение.

Тем не менее, существуют способы, чтобы уберечь себя от подобных нежелательных последствий. Будучи студентом, я был членом одной философско-исследовательской группы, и однажды один из ее участников сказал мне, что описанный мной духовный опыт, невозможен. Несмотря на хорошую аргументацию своей критики, он совершенно не учитывал тот факт, что эти переживания для меня были реальными! Высказанные им аргументы служат защитой от непредвиденных и непредсказуемых событий, которые могут произойти с человеком, очутившимся в бездне. Подобные шаги продиктованы личной безопасностью человека и было бы лучше признаться себе в том, что испытываешь страх перед сверхчувственным опытом. Надлежащая работа над этим страхом может развить в душе силы,

способные противостоять будущим потрясениям. В одной из записных книжек Рудольфа Штайнера содержится следующая запись:

*Не следует предпочитать драме познания,
изучение правил грамматики познания,
и страх не должен удерживать,
от падения в бездну индивидуального...²*

В драме-мистерии Рудольфа Штайнера “Страж порога” Люцифер восклицает: “Любим и теми я, кто от меня бежит.”³ Желание сбежать из собственной бездны, является признаком отсутствия в человеке независимой индивидуальности. Более того оно является выражением удачного самообмана, который, при всевозможных мучениях в бездне, не только понятен, но и в какой-от мере является естественной самозащитой. Зачастую, такая защита не входит в сознание должным образом, заставляя ничего не подозревающую душу, жаждущую сверхчувственных переживаний, слепо следовать своим порывам.

Но, когда бездна по-настоящему начинает засасывать человека, тогда ему становится действительно трудно сохранять необходимую степень выдержки, находясь в социальной среде, в которой должна протекать его жизнь здоровым и естественным образом. В “Пробуждении душ” Луна восклицает, что “Хоть не должна желать душа падения, Но пусть и из него черпает мудрость.”⁴ На первый взгляд может показаться, что, стоит только разглядеть ситуацию и тогда можно будет отыскать выход из нее и затем продолжить свой путь. Тем не менее, это осознание может стать коварным препятствием на пути к спасению из бездны. Оно способно привести к тому, что человек замкнется в самом себе и станет неспособным к дальнейшему развитию. Потому что внимание к собственной бездне лишь углубляет ее: существа, обитающие в ней, притягиваются к человеку и ищут возможности насытиться им как можно больше.

Во время своего путешествия через бездну, человек может оказаться в уникальном ущелье. Каждая сила души имеет такое индивидуальное ущелье. А зачастую, на пути встречается не одно такое ущелье, а несколько, и все они будут непохожи друг на друга. Эти пропасти разверзаются, когда силы души человека (мыслящие, чувствующие, волящие) расторгают свои обычные связи,

² “Man soll nicht auf das Erkenntnisdrama zugunsten einer Erkenntnisgrammatik verzichten wollen, auch die Furcht darf einen nicht davon abhalten, dass man in den Abgrund des Individuellen fällt...”

Р. Штайнер. Заметки в записной книжке. GA 40.

³ Р. Штайнер. Четыре драмы-мистерии. “Страж порога”, сцена 6. Перевод Белоцветов Н.Н., Демидов А.А. GA 14.

⁴ Р. Штайнер. Четыре драмы-мистерии. “Пробуждение душ”, сцена 9. Перевод Белоцветов Н.Н., Демидов А.А. GA 14.

освобождаются и становятся самостоятельными. Заблудившийся в ущелье мышления, вероятно, не сможет снова выбраться из него прибегая к силам того же мышления, аналогичным образом можно сказать и об остальных душевных силах. Оказавшись в эпицентре этой борьбы, сочтут, что самым правильным будет внимательно оглядеться на происходящее вокруг и сформировать себе представления о законах и условиях этой преисподней. Полагают, что выявленные таким образом сведения, окажутся полезными для тех, кто, столкнется с подобными препятствиями на своем пути. Но, стоит заметить что, каким бы полезным подобное отношение ни было, пусть даже кто-то сочтет его духовно-научным, оно способно породить в душе привязанность к этому темному миру бездны. И тогда у человека начнут проявляться те или иные опасные личные качества, которые не были присущи ему раньше. Беспристрастное наблюдение за бездной, до некоторой степени сможет защитить человека от своего рода безумия, но не будет способствовать его выходу из сложившейся ситуации. Такие наблюдения, какими бы благородными они ни казались, лишь усилят застревание в бездне, и тогда душа человека послужит пищей для живущих там тварей.

Думают, что угодив в бездну, можно сравнительно легко выбраться из нее. Необходимо лишь исправить последствия своих поступков и тогда получится невинно вознестись из нее. Однако вскоре человек убеждается в тщетности надежд подобного рода, потому что все его поступки находят свое отражение в бездне. Бездна — это не скрытая, укромная ниша в тихом уголке жизни, мимо которой можно спокойно пройти, не угодив в нее, а она есть царство последствий поступков человека, которые он совершает в своей повседневной жизни.

Бездну нельзя просто пересечь. Это не тупик, зайдя в который можно развернуться и пойти назад. Бездна - это улица с односторонним движением, ведущая все дальше во тьму человеческой жизни. Некоторые люди, основываясь на старом изречении “*per aspera ad astra*” (через тернии к звездам), считают, что подобное путешествие в конечном итоге приведет их к свету, но такой финал маловероятен и лишь вводит человека в заблуждение. Свет останется позади путешественника и по мере его продвижения по каньонам бездны, тени будут лишь стучаться вокруг него.

Как же восстать из бездны, подобно Фениксу из пепла? Иоанн Предтеча указал на такую возможность. Надо только понять, что его метанозит (μετανοείτε: переменитесь) вовсе не означает: измениться и стать лучше, а призывает, преобразовав свое сознание (мышление, чувство и волю) посредством углубления в Духовную науку, одним прыжком вырваться из бездны. В зависимости от ущелья, человек может подпасть искушению и начать сомневаться, бояться или ненавидеть все, что связано с Духовной наукой, даже то, что высмеивает ее (чувство), не говоря уже о сомнениях, которые могут привести к мысли, что антропософские исследования являются абсолютно нелепыми (мышление). Человек может начать сомневаться в своих действиях, потому что они выходят за рамки того, что считается нормальным (воля). Подобные страхи и сомнения вызваны нападением на самосознание человека. В результате этого кто-то даже воскликнет: “Я изгой, я

недостойный! Я осуждаю себя на смерть!”. И наконец еще одним из внушений бездны будет призыв вступить с ней в борьбу “с открытым забралом”. Такой бой безнадежен, потому что будет затягивать война все глубже и глубже в эту самую бездну. Это как пытаться изгнать “Дьявола с помощью Сатаны”.

Итак, становится ясным, что бездну надо преодолеть, а не избегать встречи с ней. В этом человеку могут помочь образы, например, можно представить себе присутствие Архангела Михаила или Святого Георгия, протягивающего руку помощи и поражающего дракона острием своего копья. Твари, живущие в бездне, сделают все возможное, чтобы не дать возникнуть в душе подобным образам, они будут использовать любые уловки, чтобы пленить душу, тем самым подрывая основу для духовной инициативы человека. Все мы знаем историю о том, как Барон Мюнхгаузен спас себя и свою лошадь из бездонного болота. Он вытянул сам себя за волосы. Человек может сделать то же самое, разоблачая в себе свои ошибки и слабости. Можно попытаться выкарабкаться из Топи Отчаяния, уподобившись главному герою из романа Джона Беньяна “Путь паломника”. Освободившись ото всех разъедающих воздействий трясины, человек сможет сосредоточить свое внимание на поставленных целях, это поможет ему ощутить внутри себя новую решимость, которая придаст его душе равновесие и невозмутимость. Не существует универсального подхода, следуя которому человек смог бы выбраться из бездны, но как только это ему удастся, бездна потеряет свою власть над его душой. И тогда станет возможным двигаться дальше вперед с обретенной зрелостью.

...потому что человек поднимется из этой бездны
в союзе со множеством духовных существ.

Таким образом человек рождается из духовного мира.

Сам становится уничтожителем того, что стало,

живет этим одухотворенным

и присутствует в его разрушении.⁵

5 „...denn man steigt aus diesem Abgrund

im Verein mit vielen Geistern auf.

Dadurch wird man aus der geistigen Welt geboren.

Wird selbst Vernichter des Gewordenen,

lebt dieses spiritualisiert dar

und ist anwesend in seiner Vernichtung.“

“Зла не существует” — утверждает Зло

Как осознать присутствие духовных существ в своем сознании? Ожидание того, что эти существа заявят о себе через легкодоступные образы, приведет лишь к разочарованию, поскольку обычно образы в нашем сознании возникают сами по себе. Удовлетворительного результата можно достичь лишь в том случае, если получится свои душевные настроения активно преобразовывать в образы. Однако, даже если я не практикую никаких упражнений по достижению имагинаций и мое сознание не способно порождать образы из настроения, указанным способом, все же я могу ощутить присутствие духовных существ и осознать их проявления.

Это можно продемонстрировать с помощью простого упражнения на концентрацию. Например, вы держите в руках спичку и пытаетесь сконцентрироваться и думать о ней, но в какой-то момент неожиданно для себя замечаете, что думаете вовсе не о спичке, а скажем, о действиях Гринпис, направленных против вырубки лесов. Возможно ли пронаблюдать, как происходит такое отвлечение? Сначала я не замечаю никакого отвлекающего воспоминания, поскольку фактически оно является ненаблюдаемым (нераспознаваемым) элементом нашего сознания. Но затем, я замечаю, что моя концентрация на спичке ослабевает, а вместо спички в моем сознании возникает что-то другое... и в какой-то момент я оказываюсь в ситуации, когда больше не владею собой. Я становлюсь одержим чужой волей, которая связана с забредшей в мое сознание историей про Гринпис.

Но как такое происходит? Откуда берется эта воля, которая вносит в мои мысли нечто, чуждое мне?

Природа “зла”, проявившаяся в этом простейшем упражнении, воздействует на человека, скрываясь от него. Оно лишается своей силы, как только вы замечаете его присутствие. “Отлично, теперь с ним можно будет справиться!” - тут же подумает кто-то из читателей. Зло проявляет себя, оставаясь незамеченным. Его проявление, мало чем отличается от любой зависимости, которая с одной стороны соблазнительна, а с другой, безусловно, обманчива. В результате этого аддиктивного расстройства я обнаруживаю, что я не владею своей собственной волей. Я осознаю, что что-то не так, но при этом ничего не делаю для того чтобы исправить текущее положение. Апостол Павел в своем послании Римлянам так же указывает на данную проблему:

Мое знание - не попутчик моим делам. Ибо чего хочу - не делаю, а чего гнушаюсь, то делаю. Но когда я делаю то, чего сам не хочу, то все же звучит во мне голос, согласный с законом, и я должен признать, что он правилен. Собственно, это вовсе не я, кто так поступает, а присущий моему существу грех. А тогда ясно, что во мне, то есть в моем физическом теле, добро не живет. Желать добра - это мне дано, делать его - нет. Не доброе, чего хочу, делаю я, а злое, чего не хочу, это я делаю. Если же я делаю то, чего не хочу, то ведь это не я, кто делает, а присущая моему существу сила зла.

Далее я хочу привести историю о моей работе с компьютерами, в которой я расскажу, как такое отвлечение может превратиться в зависимость.

В юности, после окончания школы, мне понадобилось написать программу по управлению лабораторным оборудованием. Это было в 1972 году. В то время компьютерные технологии были еще мало развиты. Я просиживал перед экраном компьютера по 40 часов в неделю, и это не считая времени, которое я тратил на обдумывание программы. Часто вторую половину дня я проводил в компьютерном центре, пытаясь заставить свою программу работать должным образом. Бесчисленное количество раз компьютер выдавал предупреждения: ОШИБКА или более худшее: ФАТАЛЬНАЯ ОШИБКА. Снова и снова я анализировал код программы, пытаясь запустить ее. “Ага! Вот ошибка. Что за ерунду я запрограммировал!” - в очередной раз возмущался я. Исправив найденную ошибку, я вновь предположил, что уж в этот раз программа непременно запустится. Но, как и прежде, я снова не достиг желаемого результата. Сконцентрировавшись и углубившись в код программы, что очень походило на игру в шахматы с коварным противником, я обнаружил еще несколько ошибок. Исправив их, я опять понадеялся на то, что теперь моя программа точно будет работать! Но увы, вновь появляется сообщение об ошибке; что-то в моем коде все еще не так.

Такая “игра” продолжалась несколько часов. Я думал, что продвигаюсь вперед и скоро наступит конец моим проблемам с запуском программы. Как вдруг компьютер дает сбой, и операционная система нуждается в перезагрузке. В то время на это требовалось около двух часов. “Глупая машина!” - ворчу про себя. “Сдаться и поехать домой?” - подумал я. Но, все же решаю остаться, в надежде, что перезагрузка займет меньше двух часов... Итак, я жду. Свет бледных неоновых ламп слабо освещал комнату, в которой я работал. Все пространство было наполнено постоянным гулом работающих вентиляторов. В комнате не было окон, не говоря уже о живых растениях. Скучный интерьер, окружавший меня, состоял из побеленных стен, школьной доски, пластиковых столов, на которых стояли двадцать ЭЛТ-мониторов. Другие люди, находившиеся со мной в комнате, казались размытыми, впрочем, как и все окружение. Приняв сгорбившиеся вялые позы, они сидели за своими рабочими столами. Их изможденные лица были бледными и осунувшимися. А как выглядел я? Не лучше их. Незамечая, я сощурился и обзирал экран своего монитора лишь одним глазом. Я ждал. Как вдруг в своем сознании я столкнулся с эффектом, который возник из-за всей этой утомительной работы по созданию программы. В моей голове возник вопрос: “Неужели я не способен решить эту тривиальную задачу?”. “Ты должен найти для нее элегантное решение!”, — последовал ответ. Мы поменялись ролями; кажется, что теперь я стал машиной, а мои усилия по работе с ней начали программировать меня самого! Мне показалось, что в результате этой смены, мой разум оказался захваченным. Без моей на то воли, я начинаю задаваться вопросом, не следует ли мне найти более элегантное решение этой задачи. Это ужасно; Я не хочу следовать этой мысли, но меня словно магнитом притягивает к ней.

В Средние века подобное состояние называли одержимостью. “Но вот, компьютер снова заработал!”. Тут же вся комната наполнилась стуком пальцев по клавишам клавиатур. Несколько строк кода и я проверяю в действии возникшую идею решения проблемы. Но, она не работает. После двух часов дополнительного тестирования и отладки, программа так и не запустилась. Я переосмысливаю все шаги, которые предпринял. “Вот, должно быть, это то самое место, где закралась ошибка!” Беспорядочно вношу новые исправления в код программы, что приводит лишь к новым ошибкам. И вот наконец, когда все они устранены, у меня наступает огромное разочарование — я понял, что возникшая идея решения оказалась ложной! Разочарованный и раздраженный, я решил сдаться. Я стал слугой компьютера на несколько часов. Но, несмотря на это, я вновь сажусь за компьютер и принимаюсь за программу, которая должна заставить лабораторное оборудование работать должным образом. После бесчисленного количества изменений в коде программы и такого же числа исправлений полученных ошибок, мне удалось наконец запустить свою программу. Тогда я еще не знал, что вся моя работа над данным проектом окажется напрасной, потому что никому не пригодится в будущем.

С меня хватит. Я ощущаю себя опустошенным, беспокойным и подавленным, словно я несколько часов напряженно вел автомобиль по скользкой дороге в плотном потоке машин. Собираю вещи и прощаюсь с последним “войном”, оставшемся в компьютерной комнате, так как все уже давно разошлись: “Ну, пока и удачи!”. “Спасибо...” - ответил он, почти не отрываясь от экрана своего монитора. На улице меня встречает рассвет. И я радуюсь ощущению реальности, возникшем у меня благодаря естественному свету. Но, за рулем, по дороге домой, меня снова начинают преследовать мысли о нерешенной проблеме. Неожиданно мне приходит еще одна идея. Неужели это то самое элегантное решение? Может стоит вернуться и проверить его? Неопределившись, я продолжал рулить. Я чувствовал, что слишком устал, чтобы вернуться назад. Но эта навязчивая мысль мучала меня, заставляя думать – что, наверное, это сработает. Я сетовал на дурацкий компьютер, который загнал меня в ловушку, в которой я провел бессонную ночь. Сильная усталость, вот все что я мог противопоставить этой одержимости в тот момент. Эта жалкая проблема продолжала донимать меня, до тех пор пока я не заснул. И только так я смог вырваться из этой ловушки.

Из приведенной истории можно понять, каким образом враждебные духовные существа могут влиять на нас. Они стремятся подменить наше сознание своим собственным, которое до поры до времени остается скрытым для нас. Если удастся не попасть в их ловушку или же внимание человека будет не полностью поглощено этим сдвигом, тогда есть возможность пронаблюдать, как эти существа проявляют себя. В средневековье для подобной защиты от дьявола прибегали к омовению святой водой, во время которого разум и тело получали очищение от злых сил. В результате всего сказанного, мы приходим к пониманию того, что в утверждении “зла не существует” заключена основа, на которой зиждется зло. В этом утверждении заключено само Зло. Если слово “зло” является для вас несколько

старомодным, тогда, говоря современным языком, мы могли обозначить его, как “чью то волю, которая препятствует человеку действовать из его собственного Я”.

Более детальное рассмотрение данного вопроса может включать в себя обсуждение влияния Люцифера и Аримана. Люцифер искушает человека отказаться от земли и блуждать в царстве самообмана, что поначалу кажется вполне безобидным, но шаг за шагом ведет к помешательству. Действия Аримана проявляются тогда, когда, ошибки, которые человек совершает и пытается затем исправить, вносят путаницу в его сознательные усилия, что приводит к созданию массива ложных фактов, еще глубже привязывающих человека к земле.

С другой стороны, влияние добрых и благих духовных существ заметить гораздо труднее, потому что они строго чтут суверенитет человека. Зачастую, их поддержка остается вовсе незаметной для самого человека. В случае успеха в каком либо деле обычно говорят: “Боже мой, я и не думал, что настолько хорош в этом, что смог добиться такого успеха!” Подобные мысли и чувства вполне уместны, но они могут привести человека к соблазнительному самовозвеличиванию. Вместо этого следует возвращать внутри себя ощущение того, что нечто действует через меня и дает мне возможность выполнить то или иное лучшим образом. Добрые духовные существа ждут моей инициативы, и затем используют ее во благо, а не отбирают ее у меня.

Итак Зло выступает ограничителем индивидуальной инициативы человека, а Добро, наоборот, усиливает ее. Подобные ограничения могут привести человека к аддиктивному поведению или стать препятствием для роста и развития его индивидуальности.

Пересечение точки невозврата

Субботнее утро. Я стою у подножия горы Низен, расположенной рядом с озером Тун (Берн, Швейцария). Солнце едва освещает горные пики Юнгфрау, Эйгер и Мёнх, пробуждая долины от их ночного сна.

Раньше я никогда не совершал полеты в этой местности. Вот почему мне захотелось присоединиться к группе учеников из школы парашютистов, которую я когда-то окончил. Но, кроме меня еще никто не приехал. Ясное утро обещает захватывающее и, надеюсь, не слишком опасное приключение.

Зачем я сюда приехал? Это жажда испытаний? Любой полет в небе может закончиться несчастным случаем или фатальным исходом. Действительно ли мне следует лететь? Мои близкие были весьма обеспокоены моими намерениями. Но я был рад возможности побороть свои страхи, вырваться из привычного течения моей жизни и стать ближе к природе посредством красочного парашюта. Может быть это было навеяно тем прекрасным чувством, которое возникает в те спокойные минуты, когда теплые воздушные потоки возносят тебя ввысь в небеса?

Но страх также был частью этой тяги к полету. Совсем недавно парашютист из Гриндевальда разбился насмерть, споткнувшись во время взлета. Подхваченный ветром парашют, протащил его через точку невозврата прямо в пропасть. Я сам оказался в неприятной ситуации во время одного из моих предыдущих полетов. В Ла-Пальма я попал в турбулентный воздушный поток, который увлек меня вниз по потенциально смертельной спирали. На языке парашютистов это называется “хлопушкой”. В один миг мой парашют превратился в комок ткани, но, к счастью, он снова раскрылся до того, как я ударился о землю.

Наконец приехали студенты-парашютисты! В ожидании Миши, нашего летного инструктора, мы разместились на террасе ресторана, расположенного на склоне горы. Необходимо было дождаться, пока солнце прогреет землю и создаст восходящие воздушные потоки, благодаря которым мы сможем совершить полет. Часы показывают 11 утра, пришло время для нашего приключения.

Отправляемся к стартовой площадке. Сначала поднимаемся на вершину Низена, чтобы хорошенько рассмотреть местность, куда мы будем приземляться. — “Видите вон там шоссе?” — спрашивает наш гид. Смотрю куда он указывает и вижу лишь тонкую двойную ленту на впечатляющем фоне Тунского озера. Затем он указывает на ряд домов, стоящих на окраине города Шпиц. Рядом с этими домами виднеется прямоугольник светло-зеленого цвета, это фермерское кукурузное поле. “Кто на него приземлится, тут же получит заряд картечью!” - предупреждает наш инструктор. Его слова вызывают у нас нервный смех. Дальше за ним расположено темно-зеленое поле, это и есть ваша посадочная площадка, с установленным на ней ветроуказателем. Он окажется весьма кстати при приземлении. “Вы увидите его, когда подлетите ближе к тому месту”, - продолжает объяснять Миша. Я не могу разглядеть вдалеке посадочную площадку и блуждаю взором по высоковольтным

проводам и канатам кресельного подъемника, тянущихся к вершине горы. Из-за чего я прошу подробнее описать место посадки, чтобы узнать его с неба.

После вводных инструкций мы спускаемся на нашу стартовую площадку и расходимся в поисках места, где можно развернуть наши парашюты. С этого момента наступает личная ответственность. Если как следует не разложить стропы своего парашюта, то полет не удастся. Повторить попытку вы сможете лишь после того, как будучи полностью экипированными и волоча на себе 20-килограммовый парашют, вновь взберетесь вверх по крутому склону к исходной точке. Так же любые необнаруженные дефекты или узлы на стропках могут серьезно ограничить маневренность парашюта и сделать полет очень опасным.

Время пришло. Некоторые ребята из нашей группы украдкой делают “Angstbiseli” (мочатся от страха перед полетом). Я развернул парашют и аккуратно разложил все стропы на земле. Затем надел на себя подвесную систему, в которой буду сидеть, находясь в воздухе, и проверил ее надежность. И вот я стою на вершине склона, держа в руках лямки для рулевого управления.

Осталось только взлететь. “Только!” Тридцать строп, расположенных позади меня, могут быстро перекрутиться, как только я начну спуск по склону. Запутавшиеся стропы поставят под угрозу безопасность моего полета. На мгновение я оглядываюсь назад, чтобы убедиться, что все в порядке. А вдруг стропы завяжутся узлом, когда крыло парашюта рванет ветром, что тогда? “Да, такое случается. Но, надеюсь что в этот раз такого не произойдет!”, — успокаиваю я себе. В этот момент, слева от меня, стартует мой сосед. Наблюдая за ним, я забываю о своих страхах. Немного опускаю руки, чтобы снять напряжение. Мой сосед взлетел и теперь все дальше отдалается от края склона. Смотрю перед собой вниз на тропинку и замечаю, что она достаточно крутая! Довольно опасное место, чтобы споткнуться и упасть. Точка невозврата, до которой я еще смогу прервать взлет, если к тому времени уже не окажусь в воздухе, расположена всего в 10 метрах ниже по склону.

Ничто не мешает моему взлету. Может быть, ветер, дующий сейчас мне в лицо, мог бы быть немного сильнее. И кажется, что он слишком сильно дует с обратной стороны. Все кажется, таким простым! Нужно сделать несколько шагов, наклониться вперед и сильно дернуть позади себя крыло парашюта... и полететь! Я все это знаю! Но, так и не могу сделать первый шаг. Стою, лицом к лицу с неизвестностью и бездной, разверзшейся передо мной. Ветер обдувает мое лицо, а в моей голове проносятся мысли, о том, что может произойти. Застыв на месте и уставившись на точку невозврата, расположенную прямо передо мной, я угодил в круговорот своих мыслей. Будь я помоложе, то мог бы оправдать себя: “Ну, когда я вырасту, тогда я буду готов к этому... но теперь?”

Ничто не может мне помочь вырваться из этого оцепенения. Я продолжаю стоять на гребне склона. Все условия для полета самые подходящие: подвеска проверена; остальное снаряжение в порядке. Ветер не слишком сильный, чистое небо передо мной свободно для полета. Что еще нужно? Волевым усилием я останавливаю поток мыслей в голове. И теперь только одна мысль живет во мне: СЕЙЧАС! Я наклоняюсь вперед и разбегаюсь вниз по склону. За моей спиной

шуршит ткань; веревочные стропы разводят мои руки, и я чувствую, как парашан наполняется воздухом. Затем оно взмывает вверх и спуск по склону становится быстрее и легче. Остается два шага до точки невозврата. На последнем шаге, я натягиваю тормозные стропы и проверяю тягу крыла. Правильно ли раскрылся парашан? Да, все в порядке! Отпускаю тормоза и делаю последний шаг в пустоту на краю обрыва. Планер тут же поднимает меня в воздух. По инерции я продолжаю перебирать ногами в воздухе, а тем временем спокойный ветер уже успел поднять меня на высоту 6-7 метров над склоном. Пристегиваюсь ремнем и подтягиваю под себя сиденье. Наконец я выдыхаю с облегчением; взлет удался!

Пора лететь. Я поворачиваю налево, чтобы держаться поближе к склону, где появление восходящих потоков наиболее вероятно. Прислушиваюсь к своему вариометру, электронному прибору, который ободряюще пищит, когда я поднимаюсь, и “рычит”, когда я снижаюсь, что сейчас и происходит с угрожающей скоростью. Если он продолжит рычать, тогда мне придется преждевременно начать заход на посадку в Шпице.

Чуть выше над собой я замечаю маленькое облачко, которое только-только начало формироваться в том месте, где теплый воздух поднимается вверх. Стоит ли подлететь к нему? Нисходящий поток, в котором я сейчас нахожусь, вероятно, усилится, сделай я движение в сторону облака, что приведет к еще большей потере высоты. Я говорю себе: “Кто не подвергает себя опасности, тот в ней и погибнет! Так что вперед!” Натягиваю правый тормозной трос, и мой парашан послушно поворачивает к облаку.

Как и ожидалось, скорость моего снижения увеличивается. О-о! Миша говорил нам о доме, стоящем ниже на склоне, который служит местом альтернативной посадки, в случае если она нам потребуется. “Иначе, — сказал он, — вам придется приземляться где-нибудь в Пампасах”. Итак, для корректировки у меня осталось не так много высоты — наверное, я еще смогу сделать три круга, и на этом мой полет завершится. Но, ура! Маленькое облако оправдало мои ожидания; крыло наклоняется вперед; я быстро натягиваю стропы для тормозов, иначе мой парашан рухнет на меня. И затем ныряю в теплый воздушный поток. Рычание моего вариометра сменяется радостным писком. Я набираю высоту! Центрирую свой парашан в потоке, потому что вокруг него существует кольцо нисходящего воздуха. Стараюсь оставаться в центре формирующегося облака. Оно оказывается настолько мало, что я влетаю прямо в него. Одинок в свете утреннего солнца, я парю высоко в небесах. Мои коллеги не удержались на высоте и уже начали свой заход на посадку.

Ой! Внезапно облако исчезло, и мой вариометр начал энергично рычать, указывая на то, что я снова снижаюсь. Я замечаю еще одну группу облаков, которые радостно приветствуют меня и мой парашан, как если бы мы все были небесными созданиями. И мы все хотим поиграть друг с другом! Внезапно они подхватывают нас, мы кружимся вместе, затем они поднимают нас немного выше, пока снова не расходятся, и мы вновь начинаем снижаться. Еще один быстрый маневр, и облака снова поднимают меня.

Как ни забавна моя встреча с облаками, я решаю закончить эту игру. “Нет, мы вас не отпустим! Вы должны взять нас с собой!” - сопротивляются они. Я лечу на высоте 100 метров над вершиной горы Низен, и вижу, как туристы наблюдают за нами с вершинного плато. Наконец, я и мой параплан прощаемся с маленькой группой облаков, и гордо совершаем два круга почета над головами туристов. Я машу им ногами и начинаю свой долгий путь к месту посадки. Теперь можно расслабиться... Я откидываюсь назад и наслаждаюсь прекрасным видом на залитые солнцем пики и глубокую синеву озера, расстилающегося внизу подо мной.

Где эта посадочная площадка? Я лечу к шоссе и ищу внизу парапланы, которые уже приземлились. По их положению на земле можно определить направление ветра. Вот они! Какое облегчение! Я начинаю снижаться, кружа над местом посадки. Как вдруг, “Бисе”, местный северный ветер, набросившись на меня отводит мой параплан от места посадки. Теперь мне нужно точно определить высоту, чтобы в нужный момент начать заход на посадку. На высоте около 90 метров я начинаю встречный заход при попутном ветре, дующем в спину, затем короткий поперечный заход и, наконец, финальный заход на посадку.

Однако ниже, над полем, ветер намного слабее, чем наверху! Я все еще слишком высоко над землей, а ослабевающий ветер грозит мне неудачной посадкой! Поздно! Я уже достиг конца посадочной площадки и ряда домов, стоящих на ее границе, но все еще нахожусь на высоте 10 метров над землей, и нет никакой возможности сделать еще один полный круг. Выхода нет! Разворот на 180 градусов, чтобы приземлиться с подветренной стороны, не помогает и попутный ветер принуждает меня к посадке на скорости, превышающей скорость бега. Поэтому, едва приземлившись, я тут же падаю на землю. Несмотря на сложную посадку, для меня все закончилось благополучно, если не считать тихого смеха в мой адрес, слышимого со стороны моих коллег, которых весьма позабавил этот новоприбывший Икар, только что танцевавший с облаками.

Восприимчивость и непоколебимость

На 18-летие моего сына мы отправились в поход по арктической пустыне Лапландии (Финляндия). Это приключение было испытанием для нас обоих, учитывая то, насколько мы с ним разные. Во время тура по Лемменйоки мы израсходовали большую часть наших запасов, в результате чего нам пришлось вернуться в более населенный район.

Пополнив запасы, которые существенно увеличили нагрузку на наши спины, мы отправились немного южнее, в Саариселькя. Этот район практически не коснулась цивилизация и нам пришлось использовать GPS в поисках хижин, где можно было бы укрыться на ночь. Оказавшись вдали от цивилизации, можно ощутить, как природа проявляет себя более интенсивным образом.

Часть нашей провизии мы спрятали в поленнице рядом с одной из хижин, расположенных на нашем маршруте. В один из следующих дней, рано утром я отправился к нашему тайнику, чтобы забрать некоторое оборудование и припасы. Мой сын остался на месте стоянки, чтобы, воспользовавшись возможностью, отдохнуть и поспать. На обратном пути, устав от тяжелой ноши, я решил остановиться передохнуть и присел на свой рюкзак. Несмотря на усталость, я погрузился в созерцание природы. Я надеялся ощутить присутствие элементарных существ, которые, как мне казалось, могут населять эту первозданную природу, окружающую меня. Я подумал, что смогу повстречаться с сонмом дружелюбных эльфов или гномов.

Однако, приведя к покою тело и разум, я ощутил нечто совершенно неожиданное. Позади того места, где я сидел, выстроились какие-то странные, огромные, грубые фигуры. В сказках подобные персонажи зовутся великанами. Они были намного выше меня ростом и пребывали в плохом настроении. Более того, я сразу понял, что они хотят причинить мне вред. “Наконец-то мы поймали одного из “Мракстеров”, — понял я их слова, несмотря на то, что их язык, больше походил на ворчание, нежели чем на членораздельную речь. Я догадался, что под словом “Мракстер” они подразумевают “разрушителя окружающей среды”. Вероятно, они не до конца понимали, значение этого термина, но им до этого не было никакого дела. Они думали, что наконец поймали одного из тех людей, которые виновны в разрушении их естественных владений. Казалось, они хотели хорошенько избить меня или вытворить что-то еще похуже.

Несмотря на серьезность ситуации, я отлично знал, что мне ничто не угрожает, потому что, в отличие от великанов, я обладаю физическим телом, которое недоступно для них. И поэтому я не боялся этих существ. Однако, я не мог остаться безучастным к их недовольству, потому что, учитывая мою профессиональную работу с технологиями, я понимал, что являюсь представителем тех людей, мысли и действия которых приводят к разрушению элементарного мира.

Было действительно непросто отреагировать на их угрозы правильным образом. Я попытался объяснить им, что современные люди проходят этап развития

сознания, который в конечном итоге приведет их к новому образу жизни и новым способам взаимодействия с миром природы и с элементарными существами. Изумленные моим ответом, но все же еще разгневанные, они внезапно исчезли из поля моего сознания. А между тем, пасмурное утро шло своим чередом.

Итак, что можно заключить из этой истории? Какая часть описанного опыта окажется полезной для нас?

Прежде всего, подобный опыт требует от человека определенной подготовки. Мое длительное пребывание в арктической пустыне способствовало произошедшей встрече. Прежде чем начать взаимодействовать с окружающим миром подобным образом, человеку необходимо достигнуть состояния полного покоя. Подсказки автопилота в голове (у буддистов они носят название “обезьяний ум”), которые воскрешают в памяти всевозможные мысли и чувства, какими бы незначительными они ни были, должны быть полностью устранены. Их не выключишь, просто борясь с ними, так как это лишь придаст им еще большую силу. Надо спокойно взирать сквозь них, что в конечном итоге приведет к полной тишине. Далее, необходимо сделать волевое усилие - полностью открыться своему окружению: “СЕЙЧАС!” (см. Главу “Пересечение точки невозврата”). Достигнув этого состояния, можно начать вопрошать о происходящем вокруг. (мы еще вернемся к этому в главе “Чтение книги природы”). “Кто здесь?” Ответом на этот вопрос может послужить проявление определенного присутствия в виде неожиданных образов, совершенно отличных от тех, какими обычно представляют себе элементарных существ. Необходимо постараться, чтобы эти образы были напрочь лишены каких-либо интеллектуальных предрассудков. Если они бледные и нечеткие, можно попытаться усилить их собственными образами. Важны не сами образы, а то, что они выражают. (см. так же главу “Страх ученого перед Имагинацией”).

Во время подобного сверхчувственного переживания, особую роль играют два качества, которые должен развить в себе человек на своем пути оккультного обучения — восприимчивость и непоколебимость. На первый взгляд может показаться, что эти два качества являются противоположными друг другу. Непоколебимый человек может быть совершенно бесчувственным; и наоборот, восприимчивый человек может истерически реагировать на свое окружение. Тот, кто желает достичь сверхчувственных переживаний посредством внутренней работы, должен постоянно заботиться о развитии этих двух качеств своей души. По мере того, как человек становится все более восприимчивым, он все больше должен развивать в себе чувство внутренней твердости и непоколебимой выдержки.

Как уже было сказано, первые встречи с бездной, могут сильно дестабилизировать, однако преодолев их, человек становится внутренне более крепким. Помимо этого, можно укрепить себя, выполняя шесть вспомогательных

упражнений⁶, которые предлагает Антропософия всем тем, кто хочет вступить на путь познания:

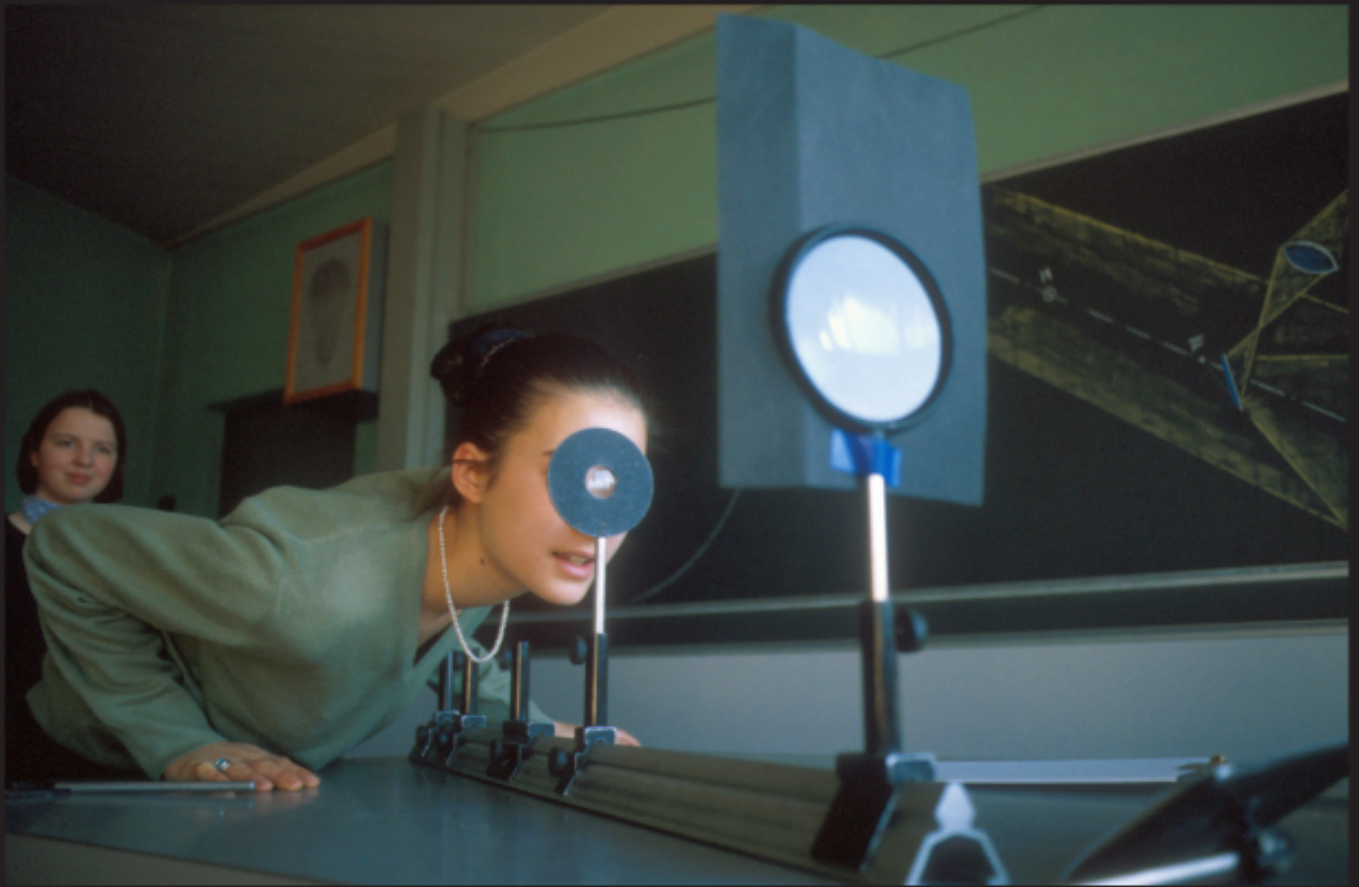
1. Контроль над мышлением
2. Контроль воли
3. Невозмутимость
4. Позитивность
5. Открытость
6. Внутренняя гармония (баланс этих упражнений)

Подробное описание названных упражнений можно найти в антропософской литературе. Выполнение этих упражнения у разных людей вызывает те или иные сложности. Например, упражнение над контролем за проявлением воли в повседневной жизни, для большинства женщин является более легким, нежели чем для мужчин, которым трудно выполнять незначительное действие ежедневно в одно и то же время. С другой стороны, упражнение на концентрацию — ежедневное размышление о незначительном малоинтересном объекте в течение нескольких минут — мужчинам дается намного легче, чем женщинам. Например, я каждый день концентрировался на обычной ложке в течение десяти лет. Прекратив выполнять это упражнение, я очень скоро заметил, что сила концентрации моего мышления стала значительно слабее.

При правильном выполнении, указанные упражнения укрепляют самосознание и независимость индивидуальности. В результате человек приобретает внутреннюю твердость и непоколебимость. Без такого развития я бы предостерег от выполнения тех упражнений, которые ведут к усилению восприимчивости. Иначе, человек быстро окажется в психиатрической клинике, преследуемый невидимыми существами, порожденными упражнениями на восприимчивость. Большинство современных фильмов ужасов нацелены на то, чтобы вызывать в нас страхи, подобные тем, что проявляются у человека, страдающего теми или иными расстройствами психики.

Стоит так же сказать, что интенсивные физические упражнения весьма способствуют развитию восприимчивости. “*Mens sana in corpore sano*”, как говорится: в здоровом теле здоровый дух. Я часто замечал, что антропософы умаляют важность физических тренировок, например, таких как бег или езда на велосипеде. Подобные занятия спортом способны привести человека в состояние уравновешенности, одновременно с этим усилив его восприимчивость к окружающему миру. Не исключено, что по этой причине я смог воспринять элементарных существ, когда устав от тяжелой ноши, остановился передохнуть посреди Лапландской пустыни.

6 Р. Штайнер. “Очерк тайноведения”. GA 13.

Страх ученого перед Имагинацией

Мой рассказ о маленьком человечке, который сидел у меня на руке во время представления драмы-мистерии Рудольфа Штайнера в Большом зале Гетеанума, мог быть понят неправильно. Мое повествование носило образный характер. Не то чтобы “маленького человека” вовсе не существовало; он действительно невесомо сидел у меня на руке, но оставался абсолютно невидимым для окружающих. Вероятно, кому-то из читателей мой рассказ не показался таким уж удивительным или необычным, но только не для людей с научным складом ума. Для них требуется некоторое дополнение к тому, что уже было сказано.

После второй серии мешающих сигналов, в отличие от сидевших рядом со мной зрителей, я ощутил, как раздражение внутри меня уступает место восприятию того, что подступило ко мне в виде вопроса, который исходил от нарушителя тишины: “Привет! Почему меня никто не слышит?” – вопроса в виде фразы, состоящей из слов, вместе образующих языковое выражение, подобных тому, с помощью которых я общаюсь с вами, дорогой читатель. Безусловно, ни единого звука вслух не было произнесено. Воспринятое мной могло бы иметь совсем иную форму выражения, например, визуальную, и, тогда, наверно, я воспринял бы кого-то, размахивающим красным флажком, пытаюсь привлечь мое внимания. Сам переход от раздражения к восприятию удивил меня своей неожиданностью, так как в тот момент я усиленно пытался сконцентрироваться на происходящем на сцене и старался не поддаваться всеобщему раздражению. Но затем, я представил себе, что “маленький нарушитель спокойствия” сидит у меня на руке. А потом я подумал о том, что, если бы он действительно сидел у меня на руке, то что бы тогда я ему сказал. Подобрал нужные слова, я мысленно выразил их своему гостю. Поскольку произошедшее в зале, я принял за незначительный инцидент и не придал ему особого значения, то и его причину я представил себе в виде “маленького человечка”, а не в виде чего-то или кого-то большого, например, великана. Я почувствовал, как раздражение внутри меня уступило чувству внимательного слушания, а после того, как человек принял мое объяснение, в моей душе возникло чувство благодарности. Подобные изменения в настроении проецируются в нашем воображении в виде образов, которые не следует понимать буквально, но лишь как средства, раскрывающие смысл того, что находится за ними.

В такие моменты человеку требуется утонченное внутреннее восприятие, чтобы смочь отличить свою проекцию от действительного переживания. Ученый тут же усомнится в возможности такого различия. Скорее всего он возразит: как можно обнаружить что-то действительно “настоящее” в такой ситуации? Но такое предубеждение не позволяет получить иной опыт, отличный от того, который свойственен наблюдателю с научно-рациональным мышлением. И дело тут не в отсутствии научного подхода, а скорее в предрассудке, который с ним связан. Изучая физику в университете, я усвоил постулат, гласящий, что во внимание может быть принят только объективный мир, т. е. объективные факты, лежащие вне нашего

сознания. Тем не менее, я нахожу это утверждение необоснованным, потому что источником внутренних переживаний человека могут быть факты, столь же реальные, какими являются внешние, “объективные”, предметы и события. Чтобы смочь различить порожденные самим человеком образы (проекции) и истинно воспринимаемое (имагинации), а также то, что лежит между ними, требуется наличие развитого сознания.

Небольшой опыт поможет внести некоторую ясность в изложенное выше. Простое число — это число, которое делится без остатка только на себя и на 1. Число 2 — единственное существующее четное простое число, так как оно делится само на себя без остатка и на 1. С 4 и со всеми другими четными числами, дело обстоит иначе, ни одно из них не является простым числом. Теперь попытайтесь со всей убежденностью думать о 4, как о простом числе, и понаблюдайте, как изменится ваш мыслительный опыт, сопровождаемый пониманием того, что данное представление о числе 4 ложно. Следовательно, об одном и том же предмете человек может иметь два различных мыслительных переживания — одно “истинное”, а другое произвольное. Таким же образом можно представить себе настоящую, реальную ложку, и фантастическую, созданную человеком в его воображении. Развивая внутреннюю беспристрастность в отношении этих двух, казалось бы, противоречащих друг другу наблюдений, человек выработает в себе чувство, позволяющее ему отличать само переживание от его проекции. Однако, это чувство нелегко развить, поскольку большинство переживаний омрачены общепринятыми предрассудками и поэтому не получают должной оценки. Эти предубеждения часто подкрепляются, ставшим уже привычным, выражением — “О, это лишь плод вашего воображения...”

Из сказанного выше становится ясно, что вначале возникает переживание (Инспирация) (см. главу: Чтение в книге природы), которое затем я довожу до своего сознания при помощи образов (Имагинация). Подобный процесс происходил в моей душе, когда я увидел “маленького человечка”, вызвавшего надоедливые сигналы перед началом представления в Гётеануме. Образы помогли мне дифференцировать возникшее переживание. Можно сказать, что я примерял образы к приблизившемуся ко мне существу — и затем, удивляясь, отмечал для себя, подходят они ему или нет. Этот процесс мало чем отличался от гетевского способа создания “точной фантазии”, когда душа призвана запечатлеть полученный опыт с помощью образа, который одновременно соответствует ему и освещает его.

Озарение Духовных Существ собственным Светом

Итак, как же можно представить себе ангела? В начале своего духовного ученичества мне пришлось научиться обращать внимание на душевные переживания, большинство из которых зачастую были настолько незначительны, что я по привычке игнорировал их, ожидая появления “настоящих” или правильной сказать, ожидаемых переживаний. Поступая так, я воздвигал препятствия на своем духовном пути.

И если существует возможность осознавать эти незначительные переживания, всплывающие на горизонте моего сознания, то тогда необходимо научиться это делать. Повседневное сознание не способно на это, подобные переживания для него неуловимы. Решение, которое можно назвать хитростью, заключается в том, чтобы использовать образы для усиления появляющихся переживаний. Ощущая присутствие, невидимых существ, например, ангелов или элементарных существ, я представляю их в своем воображении подобающим образом. Представленный мною образ является плодом моего воображения. Если у меня появляется чувство, что этот образ не соответствует моему переживанию, то я могу попытаться подобрать более подходящий, ибо возникшее переживание изначально указывает на реальность, существующую за пределами моих образов.

Подобные упражнения помогают развивать способность воображения создавать образы невидимого мира. Со временем сила воображения увеличится и образы представления все более будут соответствовать духовной реальности.

Тем не менее, существует распространенное заблуждение о таком подходе. Считают, что визуальные образы возникнут в воображении сами по себе, без какого-либо действительного личного участия человека в этом процессе. На самом деле это не так, ибо я сам активно создаю эти образы, и если мои упражнения проходили должным образом, тогда у меня получится связать построение образов с восприятием духовной реальности. Гёте называл этот процесс “*Exakte Phantasie*” (точная фантазия), и лишь сам человек способен научиться ему, развивая его в себе.

Значение образов для сверхчувственного познания

Если во времена Ветхого Завета заповедь: “*Не сотвори себе кумира*”, играла огромную роль, то в наши дни тонкие душевные переживания едва ли можно уловить, не прибегая к помощи образов. Итак, осознание сверхчувственных переживаний происходит посредством образов, иначе промелькнув на горизонте нашей души, они тут же исчезают. Однако, во время сверхчувственного опыта, смысл образов (имагинаций), не всегда очевиден. Душа может наполняться образами и затем постараться уловить, их смысл, или она может попытаться понять смысл первоначально возникшего в ней переживания, подбирая к нему образы.

Понимание смысла, лежащего в основе создания образов, можно рассмотреть с духовно-научной точки зрения. Тот факт, что ученые отклоняют данный подход, объясняется вовсе не тем, что подобные переживания не свойственны им, а тем, что такие переживания остаются для них незамеченными, потому что отсеиваются их интеллектуальным фильтром, всюю применяемым ими в процессе познания. Так, зачастую, их душа сталкивается с противоречием. С одной стороны, она стремится к сверхчувственному опыту, а с другой — оказывается заложницей у этих эффективных защитных механизмов, предохраняющих ее от восприятия сверхчувственного. Подобная защита вполне оправдана, так как душа должна обладать достаточной психической устойчивостью, чтобы не допустить потери своей

целостности. Иными словами, без Стража Порога, охраняющего вход в духовные миры, неподготовленная душа подверглась бы известной опасности, оказавшись во власти процессов и существ духовного мира. И вместо сохранения и развития своей индивидуальности, она подпала бы под чужое влияние и оказавшись в его зависимости, в конечном итоге очутилась бы в психиатрической клинике.

От Имагинации к Инспирации

Перед началом медитации необходимо установить ее фокус. С этой целью, медитирующий может обратиться к близкому ему духовному существу, например, к своему ангелу-хранителю, с просьбой о помощи при выполнении медитации и затем ожидать, что по мере медитирования, эта помощь, в случае необходимости, обязательно проявится. В любом случае, в медитации над изречением подобной опорой является само изречение, а в медитации над образом - сам образ. Более того, можно с уверенностью сказать, что духовные существа, будут непременно искать руководства, получив весть о том, что кто-то просит их об этом. Правда сначала, это водительство не осознается человеком, и для того, чтобы убедиться в нем, от медитирующего потребуются определенные усилия. Речь идет о том, чтобы продолжать жить с обретенными в медитации образами, наблюдать, как они меняются со временем и находить их подтверждения в обычном жизненном опыте.

Свобода и независимость, с которой образы наполняют сознание во время медитации, заставляет задуматься над вопросом, а способна ли душа справиться с ними. Здесь мы уже касаемся области психологии и психиатрии. И следует строго подчеркнуть, что психически-неуравновешенных людей, у которых процесс возникновения образов может стать неконтролируемым, следует оградить от подобных процедур, равно как и держать их подальше от любых упражнений по развитию имагинаций. Но, важным является понимание того, что расширение восприимчивости души является предпосылкой для соприкосновения со сверхчувственным миром и дальнейшего правильного взаимодействия с ним.

Рудольф Штайнер дал упражнения, которые могут привести к определенным результатам при их непрерывном выполнении в течении длительного времени. Такие упражнения можно условно разделить на медитации над образами (например, медитация над семенем растения) и медитации над изречениями (например, *Im Lichte lebet Weisheit* — Мудрость живет в Свете). Медитации над образами ведут к развитию Имагинации, а медитации над изречениями, особенно те, которые не прибегают к созданию образов, развивают Инспирацию.

Всегда ли должны присутствовать образы?

Стоит отметить, что создание образов во время медитаций, является обычным делом у практикующих. В главе “Страх ученого перед имагинацией” говорилось о том, что практикующие часто не соблюдают вторую заповедь “Не сотвори себе кумира”, а в этой главе я бы добавил следующее: “И если кумир тебе не нужен, то и обходись без него!” Превалирование опоры на образы во время медитации создает предубеждение, что если у кого-то не получается создать образ того или иного переживания, то его практика протекает в неверном русле. Однако, в большинстве случаев это не так. Мы привыкли считать реальностью в чувственном мире, только то, что мы можем увидеть или потрогать руками. На простом примере, можно легко

убедиться, что существуют исключения из этого правила. Вспомните о радуге. Реальность чувственного мира не зависит от тактильных ощущений человека.

Тоже самое можно сказать и о сверхчувственном мире. Не всякое существо в мире сверхчувственного может или желает явиться в мире образов или другими словами, в эфирном мире. Несмотря на это, для человека все же возможно познакомиться с подобными существами. Зачастую, такой опыт сопровождается ощущением чьего-то “присутствия”. Даже в обычной жизни иногда можно ощутить, что кто-то находится рядом с нами, хотя мы не видим и не слышим его. Упражняясь, можно развивать и утончать это, лишнее всяких образов, чувство, вследствие чего, человек сможет безошибочно понимать, что за духовное существо встретилось ему.

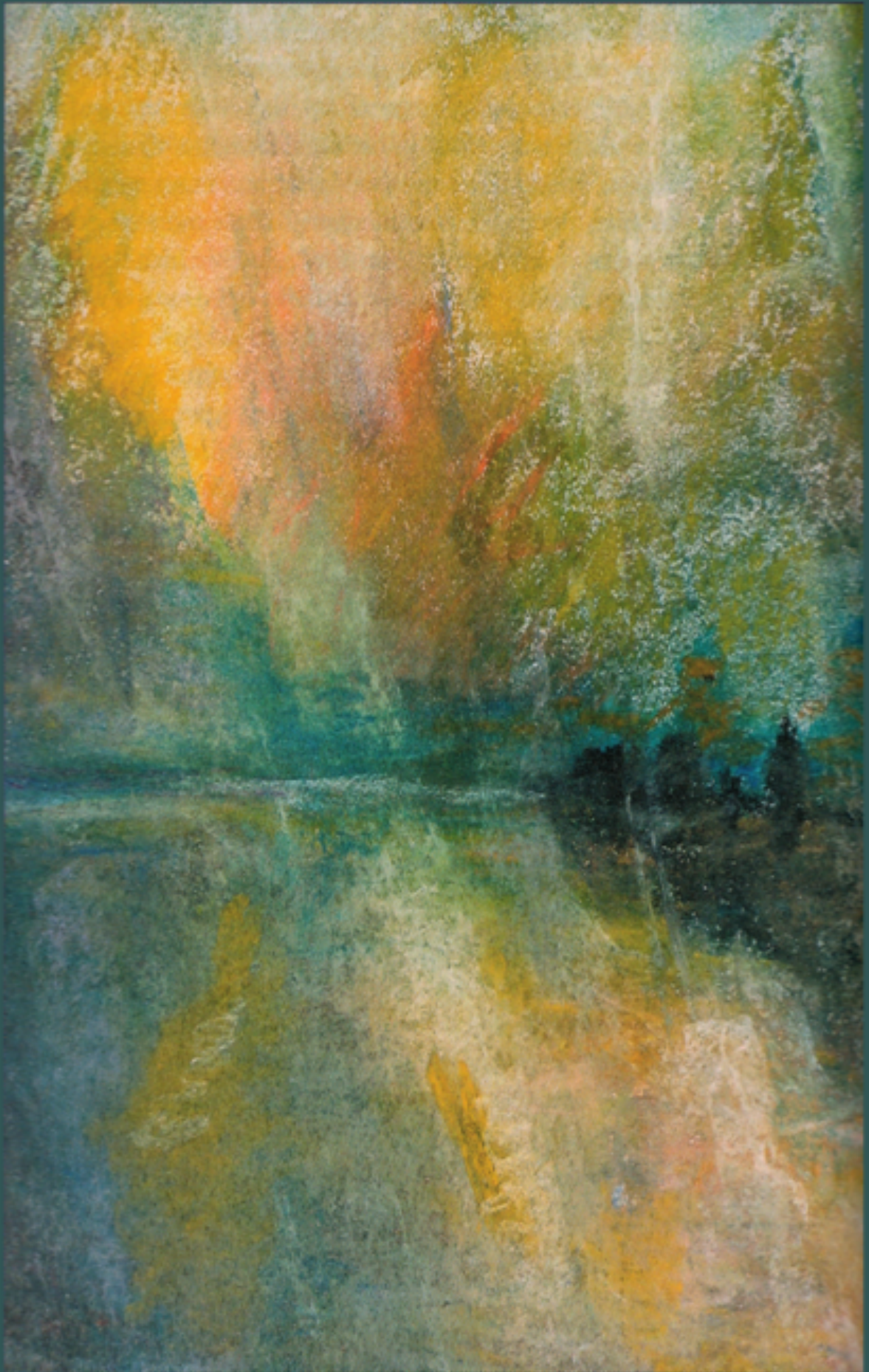
Из всего многообразия впечатлений, благодаря вниманию, человек способен выделить то, что ему нужно в данный момент. В чувственном мире я могу делать выбор из всего, что предстает передо мной, и концентрироваться на текущей задаче, подобно тому, как я использую видоискатель на фотоаппарате, чтобы сфокусироваться на предмете съемки. Тот, кому когда-либо приходилось выкручивать шуруп на кухне, не имея под рукой подходящей отвертки, знает, какую неоценимую помощь при этом может оказать внимание. В поисках подходящего предмета, все находящееся в поле зрения, способное выкрутить шуруп, рассматривается человеком в качестве возможного решения поставленной задачи. При этом сомнительные решения тут же отбрасываются, а все, что более-менее подходящее для достижения цели, остается в центре внимания. Затем, человек делает единственный выбор; например, берет подходящий нож, скажем, для чистки овощей, и пробует с помощью него выкрутить шуруп.

В сверхчувственном мире описанное внимание проявляется более фундаментальным образом. Оно сопровождается своего рода призывом, провозглашающим то, чего я хочу достичь. Чаще на такой призыв всегда кто-то откликается. Глубина встречи зависит от интенсивности такого призыва (внимания), а так же от сопровождающих его условий. Можно выделить два таких условия, которые влияют на его интенсивность:

- Моя волевая сосредоточенность: является ли эта встреча для меня экзистенциальной или это более или менее просто хороший повод для чего-то нового?
- Ясность моего ума: понимаю ли я кого спрашиваю и о чем спрашиваю? Если смысл вопроса до конца мне не ясен, то и полученный на него ответ останется для меня загадкой.

Медитативное изречение или образ оказывают непосредственное влияние на внимание человека, во время такого призыва. Однако, такое внимание является гораздо более целенаправленным, нежели чем оно бывает в чувственном мире. Все видимые предметы доступны нашему восприятию благодаря наличию у нас физических глаз; в отличии от этого, каждое новое духовное восприятие требует от человека, чтобы он сначала настроил на него свои духовные очи. От этого напрямую

зависит ясность ответов на поставленные вопросы. Этот процесс можно сравнить с химическим анализом, в ходе которого идентифицируются только те вещества, для которых был проведен анализ на их наличие.

Об Инспирации

Чтение Книги Природы

Поначалу духовное изучение образов и имагинаций может оказаться несколько наивным, но дальнейшая работа должна основываться на определенных критериях, проливающих свет на ценность и содержание этих образов. И сейчас настало время повысить качество духовного опыта, привнеся в этот процесс Инспирацию.

Почти у каждой картины есть рама. Благодаря наличию такой рамы холст с изображением становится картиной. Обычно на картине присутствует главный предмет, выделяющийся на общем фоне всей композиции. Обрамляя картину, мы стараемся подчеркнуть ее уникальность еще большим образом. Даже на абстрактных картинах, без четко определенного сюжета, все же что-то да изображено; физические материалы, при помощи которых было создано изображение, сами по себе не имеют никакого смысла. Они интересуют лишь реставраторов и искусствоведов, в отличие от них зрители, рассматривая картину, получают совсем иной опыт. Рама картины, усиливает контраст полотна и вместе с этим создает его видимую границу. Она отделяет картину от окружающего ее пространства.

Все что мы сейчас сказали о живописи, можно распространить и на другие виды искусства. Например, концерт является обрамлением, служащим для поднятия музыки над повседневностью. Воздействие подобного музыкального представления во многом зависит от моего отношения к нему, при условии, что я способен создавать образы для звуков, достигающих моего уха. С их помощью я обрамляю свое внимание, с которым я слушаю музыку, тем самым выводя ее за рамки обыденности. Сфокусированное на предмете внимание рождает во мне его образ. Лишь разглядывая образ, я никогда не пойму его смысла. Вот почему “имагинации” — это еще не само познание, а путь, которому следуют в поисках смысла. Другими словами, образы — это вопросы, а рамки, которые их окружают, — это вопросительные знаки. Однажды распознанные, они становятся письменами, которые хотят быть прочитанными.

При чтении мы не сосредотачиваемся на особенностях букв, а пытаемся понять смысл текста. Рассмотрев процесс чтения более детально, можно увидеть, что во время него, человек буквально абстрагируется от напечатанного текста, являющегося, в некотором роде, рамкой вокруг заложенного в нем смысла. Читающий не обращает особого внимания на такие детали, как, например, необычный шрифт или то, что абзацы после подзаголовков не имеют отступов. Понимание будет весьма затруднено, если одновременно читать текст и изучать его особенности. Заметив засечки на буквах, вы обычно прерываете свое чтение, и углубляетесь в особенности шрифта. И поэтому, чтобы понять смысл, заложенный в тексте, читателю необходимо абстрагироваться от того, что он видит на странице.

То же самое можно сказать и про слушание музыки. Я не прислушиваюсь ни к конкретной высоте нот, ни к тембру голоса вокалиста, ибо такое внимание помешало бы мне понять то, что я слышу. Даже язык исполнения не играет никакой роли. Я ищу понимание опыта прослушивания музыки, исходя из него самого, без непосредственной концентрации на всех определенных акустических моментах и деталях, которые достигают моих ушей.

Таким образом, я узнаю смысл непосредственно из услышанного, или из того настроения, которое вызывает во мне услышанное, а вовсе не из того, что пытаюсь собрать воедино отдельные фрагменты речи и доходящие до меня звуки, как если бы они были потоком данных, нуждающихся в обработке. Смысл приходит при рассмотрении целого, а не при изучении его отдельных частей. Значительное произведение искусства нуждается в тщательном и детальном анализе всех его частей, что поначалу весьма затрудняет процесс его понимания, но как только познание собирается в ясное и понятное целое, первоначально скрытые от нас замысел и настроение произведения, предстают перед нами глубоким и утонченным образом.

Все сказанное о чтении и слушании, можно отнести и к Инспирации. Человек в силах удалить из своего сознания все его содержание. На смену ему приходит чувство или настроение, своего рода остаточный образ, заполняющий горизонт сознания. Рудольф Штайнер говорил, что если мы хотим “увидеть” свою ауру, то нужно погасить в себе восприятие физического тела. Такая возможность зависит от индивидуальных способностей и душевного настроения человека и не всегда подобный опыт может оказаться успешным.

Достижение пустого сознания

В своей книге “Границы естественного познания” Рудольф Штайнер описывает то, как человек может выйти за пределы обычных чувственных восприятий, когда он будет *“не обсуждать в обычном смысле эти восприятия вместе с представлениями, а создавать символические или другие образы для впитывания глазом - для видящего, ухом - для слушающего, также образы теплоты, осязания и так далее. Благодаря тому, что процесс восприятия оживляется, благодаря тому, что движение и жизнь вносятся в процесс восприятия, но так, как это происходит не в обычном процессе представления, а в символизируемом или даже художественно прорабатываемом процессе восприятия, благодаря этому гораздо раньше достигают силы, позволяющей пронизать себя восприятием как таковым... Само собой разумеется, не следует думать, что этого можно достичь за короткое время”*⁷. Здесь дается описание того, как углубить содержание чувственного восприятия человека и расширить его границы. Затем следует указание на то, как эта деятельность может проникнуть в сферу живого. Но инспирация достигает нас лишь тогда, когда мы освобождаем для

⁷ Р. Штайнер. “Границы естественного познания”, восьмой доклад, Дорнах, 3 октября 1920 г. Перевод: Памфилова Л.Б. GA 322.

нее место в нашем сознании. Новые открытия, так же как и инспирации, являются непредсказуемыми. Говоря языком религии, мы могли бы сказать о нисходящей на нас Благодати. Ответы на вопросы касаются своего восприятия, человек может получить только посредством очищения своего сознания. Очистив сознание, надо быть открытым для всего, что последует за этим. Но, зачастую, нам не удается вызвать это пустое состояние сознания. Все попытки по очищению сознания, оказываются тщетными, поскольку эти усилия направлены не на пустое сознание, а скорее на воображаемую пустоту, которая должна возникнуть в нас. Мужество, с которым мы готовы встретить все, что бы ни произошло в этом состоянии пустоты, является ключом к решению данной проблемы. Пребывая в воображаемом, наше сознание остается не способным к дальнейшим шагам. При этом мы остаемся лишь пассивными наблюдателями, знакомого нам душевного процесса.

Лишь применив метод вопросов, я смог найти правильный подход и продвинуться вперед. В моем случае, ключевую роль сыграло именно изменение метода. От меня потребовалось быть готовым ко всему новому. При этом я должен был отказаться от всего привычного, что всплывает в сознании в виде образов из повседневной жизни.

Практиковать и развивать данный метод, можно обзревая события прошедшего дня, при этом следует обращать внимание на те события, которые зачастую кажутся нам лишь причудливым набором каких-то совпадений. На события, которые чересчур занимают нас, лучше постараться вовсе не обращать внимания, что сделает их гораздо менее навязчивыми. На следующем шаге необходимо устранить все тревоги и нежелательные побуждения из своей души. Физическое расслабление весьма способствует данному упражнению. Расслабив тело и успокоив ум, я совершаю следующий шаг путем погружения в содержание рассматриваемого вопроса. Чем сознательней и решительней будет сделан этот шаг, тем сильнее вы будете вовлечены в процесс всем своим существом. (см. главу: Преодоление точки невозврата). Находясь на природе, я могу достигать описанного ментального состояния, задавшись вопросом: "О чем здесь думал Господь?". Но какой бы вопрос вы ни задали, он должен быть личным и уникальным.

Инспирация и Истина

Утонченность инспираций, возникающих при более конкретном наблюдении за природой или жизнью в целом, вызывает массу сомнений, коренящихся в нашей обычной когнитивной деятельности. Чувство истины развивается медленно и правильный ответ на вопрос - "Это действительность или это просто проекция?" - будет не так-то просто найти. Поэтому на начальном этапе всегда полезно проверять свои переживания, задавая вопросы о "реальности". При этом, я могу впасть в две крайности: с одной стороны, деструктивно критиковать (сомневаться), а с другой, легковерно одобрять (поддаться суеверию), обе из которых необходимо прояснить при помощи собственного познания.

Внимательное рассмотрение жизни и спокойное созерцание мира чувств, ведут к развитию чувства истины. Это чувство указывает на третий уровень высшего знания — Интуицию, являющуюся истинным знанием, исходящим от высшего “Я”. При такой встрече со своей высшей самостью, можно обнаружить, что собственные проекции связаны с человеком более тесно, нежели чем ему этого хотелось бы. Тем не менее подобный опыт является началом самопознания, которым человек будет непрестанно заниматься на всем дальнейшем пути своего развития. Нередко возникшие нежные переживания подавляются собственными привычками человека (сомнение) или весьма преувеличиваются им (суеверие). В обоих случаях я должен прояснить причину своих реакций на эти переживания, вместо того, чтобы властно реагировать на них своим сомнением или ошибочно доверять им. Преодоление этих двух крайностей ведет к рождению в душе человека Восприимчивости и Непоколебимости. (см. главу: Восприимчивость и непоколебимость).

Возможно я разочарую читателя, если сообщу о том, что мне больше нечего сказать о чтении Книги Природы. Однако, на мой взгляд, основы такого познания, которое так же можно было бы назвать чтением Книги Жизни, все же были изложены выше. Для меня было важным рассказать не столько о содержании книги (Природы или Жизни), сколько о том, как открыть эту книгу и как затем начать ее читать. Благодаря наличию смысла, образы становятся символами, знаками или, в более широком смысле, письменами (буквами). Указанные книги написаны при помощи таких знаков.

На краю Абсолютной Истины

Об интуиции

Будучи студентом в университете, помимо изучения физики, я посетил несколько лекций по философии, на которых вступил в дискуссию с профессором формальной логики. Темой лекции была этика Спинозы и он задал вопрос: “Что такое аксиома?” Кто знаком с основами математики знает, что “аксиома — это непосредственно очевидное утверждение, которое не требует доказательств”. Мой ответ заставил профессора самодовольно улыбнуться и сказать: “Согласитесь, понятие “очевидность” стало неактуальным.” Я тут же возразил: “Отнюдь, иначе бы нам не о чем было бы с вами разговаривать, потому что для нас обоих все было бы и так очевидно.” Продолжая улыбаться, он ответил мне самым снисходительным тоном: “Немного старомодно, в действительности, мы просто верим в истинность того, о чем говорим. Прежде чем продолжить наш разговор, посмотрите значение термина “очевидность” в словаре основных философских терминов!” Что я и сделал, и обнаружил, что Франц Brentano, которого высоко ценил Рудольф Штайнер, провел несколько фундаментальных исследований по этой теме. Очевидность, которая является уверенностью в знании, не может быть доказана, потому что доказательство должно было быть очевидным, следовательно, мы должны предполагать то, что хотим доказать. Ее также нельзя опровергнуть, потому что опровержение так же должно было бы быть очевидным, что являлось бы внутренним противоречием.

По сути, в доказуемом смысле, очевидность не относится к философским терминам. Очевидность является недоступной основой, на которой Душа рассудочная (Душа характера) строит свои рассуждения. Кроме того, эта часть души не в состоянии исследовать саму себя.

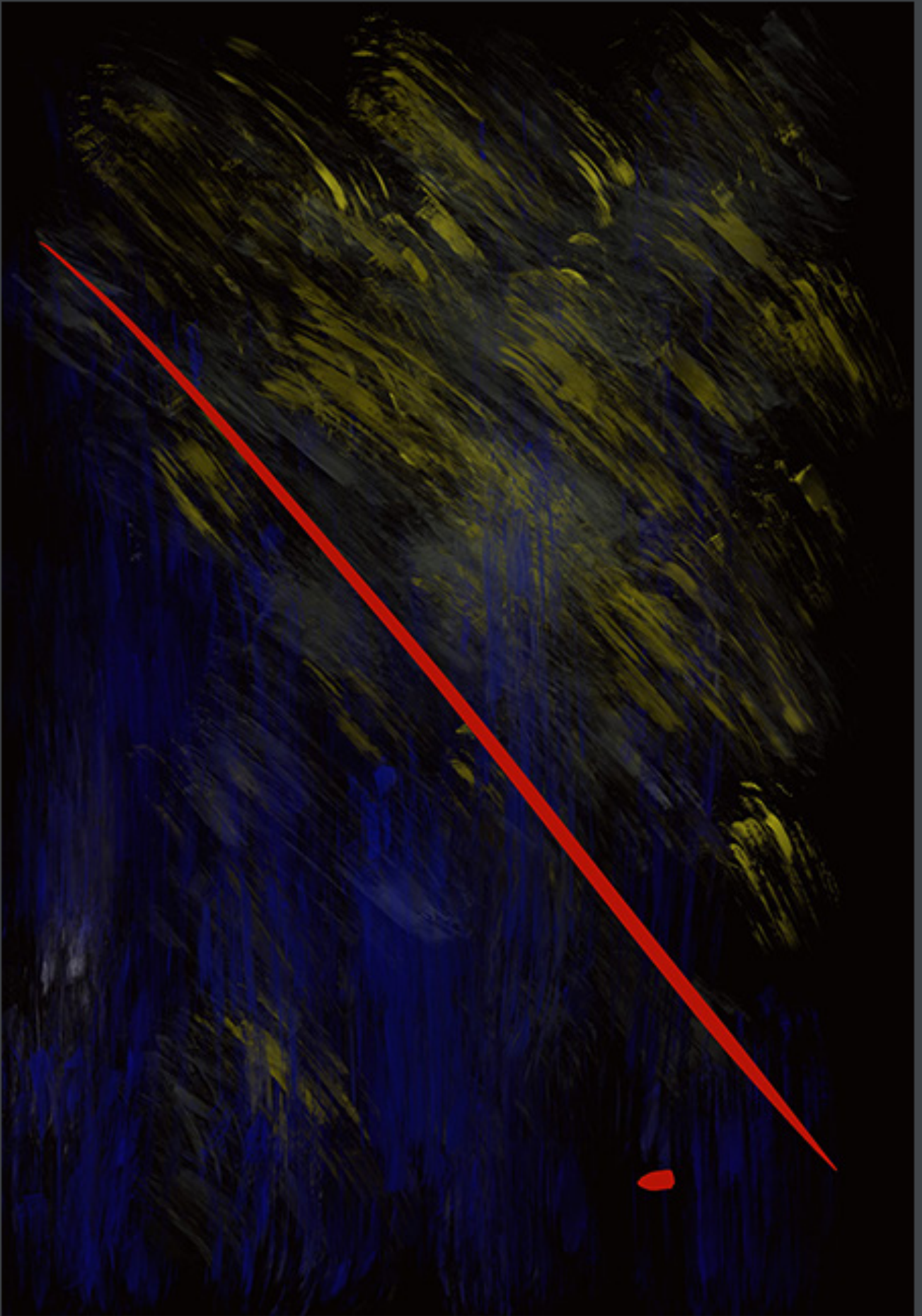
Пока такая философия, как формальная логика, не допускает в процессе познания какого-либо внутреннего опыта, она никогда не сможет найти выход из лабиринта своих “будто бы...”. Поэтому, последователи формальной логикой могут лишь верить в свою правоту, но никогда не будут уверены, в том, что нечто действительно существует. Они ни во что не верят; все для них представляется сомнительным. А если они не могут или не желают допустить наличия внутреннего опыта у человека, то это значит, что они не могут быть уверены в том, что они сами на самом деле существуют!

Это похоже на те времена, которые предшествовали “Отцу церкви”, святому Августину, который в конце концов понял, что не может сомневаться в том, что у него есть сомнения.

Расстроенный конфронтацией с профессором, я написал небольшой трактат, содержащий выводы, основанные на реальности. Его суть заключалась в том, что, выполняя простое упражнение на концентрацию, например, сосредоточивая свое внимание на определенном предмете, можно заметить, что выполнение этого

упражнения целиком зависит от самого человека, и было бы ошибкой, если бы кто-то усомнился в этом. Таким образом, опираясь на свою собственную деятельность, я обретаю более прочную основу и тем самым утверждаю свое собственное существование. Реакция профессора на мое эссе была разочаровывающей, хотя и правильно продуманной с точки зрения формальной логики (так происходит всегда, когда рассудку приходится защищать свой шаткий мир). “Это, — сказал он, — не философия, а психология!”

В заключение отметим, что затронутая здесь философская проблема, имеет далеко идущие последствия. Например, что абсолютной истины не существует или, что Интуиция — это безошибочное познание.

Ступени Высшего Познания

Прежде чем продолжить, будет уместно предостеречь читателей от недоразумения, что будто бы достижение указанных ступеней высшего познания доступно лишь посвященным, которым стал чужд физический мир с его повседневностью. Обычно думают так: “ Я смогу достичь Имагинации, лишь при условии удаления от физической реальности; а Инспирация и, более того, Интуиция, будут вовсе недостижаемы, если я хоть сколько-нибудь останусь привязан к повседневности, окружающего меня физического мира.”. Подобные утверждения не соответствуют действительности. Вместо того, чтобы оставаться неподвизтым исследователем своего душевно-духовного и физического существа, человек, подобными выводами может впасть в заблуждения, потому что:

- Имагинация начинается с обычных образов, но не заканчивается на живописных переживаниях о прошлых воплощениях.
- Инспирация начинается с понимания прочитанного текста, но не заканчивается чтением Книги Природы или Книги Жизни.
- Интуиция начинается с развития внутреннего чувства, но не заканчивается общением с Небесными Иерархиями.

Без понимания этого, можно было бы думать, что указанные три ступени настолько трудны для достижения и таким образом прийти к выводу, что необходимо дождаться определенной степени зрелости, для того чтобы вступить на эзотерический путь. Случись подобное, человек никогда бы не перестал ждать подходящего момента. В результате этого, он прошёл бы точку невозврата и не заметил этого. (см. Главу “Пересечение точки невозврата”). Так что, давайте избежим такой оплошности и прямо сейчас приступим к рассмотрению пути Посвящения, начиная с самой первой ступени.

Имагинация

В предыдущей главе “Об Инспирации. Чтение Книги Природы” мы подробно рассмотрели Имагинацию и Инспирацию. Имагинация начинается с того, что я создаю образы для своих переживаний. Однако, поначалу, в большинстве случаев, я сам являюсь творцом этих образов. Я черпаю их из своего внутреннего мира, пытаюсь сделать осознанными мои переживания. Мотивы, цвета и формы возникают из того художественного материала, который имеется у меня в наличии. Со все большей осознанностью, я учусь выбирать материал не по собственному произволу, а исходя из каждой конкретной ситуации, пытаюсь, тем самым, усилить свои переживания. Найденные при этом подходящие образы, чаще всего указывают на нечто действительное. И все же, не стоит забывать, что они всего лишь указывают на действительность, не являясь таковой. Для реставратора картин (как об этом

говорилось выше) материалы, при помощи которых нарисованы полотна, являются значимыми вещами, однако внимание зрителя сосредоточено не на пигментах красок или на раме, обрамляющей картину, а на том, что изображено на самой картине и на ее идейном замысле. Чтобы понять это, необходимо изменить свое отношение к процессу познания. Нужно научиться читать картину, а не изучать ее краски или ее технику.

Инспирация

Благодаря Инспирации я начинаю осознавать смысл образов. Это осознание ведет к более глубокому пониманию — я открываю для себя смысл того, что вижу или слышу. Через Инспирацию приходит знание. Подобный процесс происходит в нас каждый день, когда мы что-то читаем или слушаем. Смысл, опосредованный знаками (буквами и звуками) и языком, открывается нам. Изучение почерка или чернил, которыми написан текст, не добавит его понимания. Наоборот, нужно полностью отстраниться от всего, что выявляется при техническом рассмотрении написанного текста. Для инспирации требуется полностью абстрагироваться от имагинативного образа и сконцентрироваться на его действии, на его смысле, а не на том представлении, которое изначально возникло у меня от имагинации.

Следовательно, ни имагинация, ни инспирация не являются методами познаниями, в строгом смысле. Имагинации — это визуализация; Инспирации содержат информацию, но проблема в том, смогу ли я понять эту информацию, то есть рассматриваю ли я ее в соответствующем контексте, или, наоборот, неправильно понимаю ее, обманываю себя относительно ее содержания или более того позволяю ввести себя в заблуждение (к чему стремятся определенные силы. Поэтому не стоит причислять их к “добрым” духам, см. главу “Зла не существует. - утверждает Зло”). Тем не менее, подготовкой к Инспирации служит интенсивное погружение в имагинативные образы. В медитации такое погружение в образ становится предпосылкой для подготовки к осознанию Инспирации. Прибегая к образу, я сосредоточиваю свое сознание на рассмотрении определенной темы. Я могу выбирать любую точку обзора. Далее, не препятствуя своей способности создавать образы, я погружаюсь в состояние “ожидания”, прибегая к самым невинным детским вопросам, например, таким как: “О чем думал Господь, когда устроил мир таким образом?” Личный опыт подскажет вам, будет ли оправдано такое ожидание. Вероятно, придется снова прибегнуть к созданию новых образов, чтобы позволить вновь обретенному смыслу спокойно раскрываться в вашем сознании. При этом, все же остается открытым вопрос о том, что же лежит в основе полученного мной переживания.

Интуиция

Ответ на указанный вопрос может быть получен только благодаря Интуиции. Как мы уже видели, Интуиция — это состояние, в котором я ощущаю свое единство с Бытием. И в этом единении я являюсь духовно активным существом. Подобный опыт становится возможным только благодаря должному вниманию, которое человек, уделяет ему. Обычно этого не происходит и в своем сознании человек придает значение лишь предмету или цели собственной деятельности. В прошлом хорошей отправной точкой служило собственное Эго. В 1637 году Декарт провозгласил «*cognito ergo sum*» — я мыслю, следовательно, я существую, — что и определяло центральное место Эго по сию пору, но в настоящее время, было бы лучше и точнее, сказать: «*cogens ergo sum*» — в мышлении я существую. Я уверен в своем существовании, благодаря акту мышления. Пока я мыслю, я произвожу то, в чем нельзя сомневаться, потому что я тот, кто мыслит. Но, зачастую, как это было сказано выше, под этим понимают или предмет или цель мышления. С другой стороны, в этой деятельности я могу переживать свое собственное “я”, ибо я являюсь тем, кто ее производит и кто знает об этом, и, наконец, я сам же и переживаю эту деятельность. Нет необходимости в ее интерпретации; ничто не определяет эту деятельность как правильную или неправильную.

С точки зрения эпистемологии, в Интуиции упраздняется разделение субъекта и объекта. Это становится очевидным, когда человек сосредотачивается на этой деятельности. Концентрируясь на ней, я могу познать себя как того, кто ее производит и для кого она предназначена. Рудольф Штайнер сформулировал это в одном из своих еженедельных изречений (*Wochensprüche*): Себя постоянно само созидая, Душевное бытие обнаруживает самоё себя; («*Sich selbst erschaffend stets/wird Seelensein sich selbst gewahr*»)⁸.

В этой основной форме Интуиции обнаруживается фундаментальное различие между истиной, с одной стороны, и догадкой, с другой. Я не сомневаюсь в истинности того, в чем создании я участвую. Все истинное является таковым, потому что я участвую в его появлении. Следствием из этого является то, что не существует абсолютной истины, то есть истины, которая была бы отделена от меня. Следовательно, истина всегда носит индивидуальный характер. Но следствием из этого будет то, что только я сам могу описать интуицию. Для других это всегда будет просто описанием. Этот интуитивный опыт не подлежит передаче другому человеку. Я могу лишь попытаться рационально описать результаты интуиции, чтобы кто-то другой мог хоть как-то понять их. Но, данное мной описание, не будет тождественно самому опыту.

Означает ли это, что почти все люди живут в своем собственном мире, обособленном и отделенном от всего остального, как утверждает конструктивизм? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо по-отдельности рассмотреть форму и содержание интуиции.

⁸ Р. Штайнер. Антропософский календарь души. 24-я неделя. Перевод: Богословский, Зетилов, Кавтарадзе, Конвиссер. GA 40.

Качественным содержанием, смыслом, Интуиции является Инспирация. Благодаря ей определяется ясная взаимосвязь между мной и миром. Но форма, то есть то, как это содержание выступает во мне, является творческим процессом, который, я вызываю внутри себя.

Итак, содержание мира является необходимым для достижения Интуиции. Например, я, как человек, встречаю другого человека. В каком-то смысле это краткое описание такой встречи является не совсем точным, потому что речь здесь идет не о встрече, в обычном смысле этого слова, который характерен для индивидуального сознания, когда я нахожусь здесь, а другой человек там и когда все разделено на субъект и объект. Скорее, речь идет об осознании другого во мне. Я могу воспринять другого, так же, как и самого себя. Так возникает единение между мной и другим человеком, при этом, я не теряю сознание своего Я. Из этого духовного момента единения, формируется осознание “мы”.

Существует множество уровней единения, которые зависят от степени моего духовного развития. Какого из уровней я смогу достичь, зависит от того, в какой степени я смогу распознавать то, что существует вне меня. Наше неспособность в этом является причиной того, что мы не можем приблизиться к Ангелам или другим высшим Иерархиям. Уровень развития Интуиции определяется ясностью, с которой я осознаю другое существо.

Четыре отношения к чувственному опыту

Из мира чувств, я могу проследить путь, ведущий от обычного предметного сознания, которое просто фиксирует то, что видит, в мир интуиций и мироносных существ, заботящихся о существовании нашего видимого мира. Удивительным может показаться поиск интуиции в чувственном мире, так как зачастую думают, что Интуиция как познание Бытия, обретается “где-то” в высшем Духовном мире. Тем не менее, наши чувства могут приблизить нас к Интуиции в силу своей истинности.

Наше обычное сознание превращает поток чувственных впечатлений в свои объекты. Этот процесс имеет важное значение для существования человека. Без него мы не смогли бы справиться с повседневной жизнью.

Далее, я замечаю, что эти впечатления оказывают на меня влияние; в той или иной степени я даю им увлечь себя. Но, несмотря на все их усилия, мне удастся противостоять им. Может случиться и так, что я смогу распознать в них волю, не только чуждую, но и противоположную моей. Для человека этот опыт особенно характерен во время осязания: осязая, я ощущаю проявление своей воли в физическом мире, который сопротивляется мне. По этой причине мы можем говорить о существовании внешнего облика у предметов, которые мы видим и которые мы можем потрогать.

Более глубокое единение со своим окружением, порождает во мне ощущение того, что мир, как будто “заражает” меня. Помимо моей воли, он пронизывает меня, вызывая во мне массу переживаний (другими словами, речь идет о его влияниях), которые затем часто проявляются во мне в виде усталости. Например, подобную

усталость можно ощутить после посещения большой и тщательно спланированной торговой ярмарки, во время которой, вы старались осмотреть все представленные на ней многочисленные экспонаты. И наоборот, любая работа на природе, может значительно освежить мои силы и чудесным образом укрепить меня.

За этим, вызывающим жизненную силу, миром чувственных явлений лежит более глубокий слой бытия, который открывается человеку, если сначала ему, благодаря собственной воле, удастся погрузиться в мир чувств, а затем осознать, как его воля видоизменяется под воздействием воли внешнего мира.

Желая следовать этому процессу интернализации, необходимо научиться направлять свое внимание на само Бытие. Это внимание довольно трудно охарактеризовать, ввиду его фундаментальности; оно начинается с удивления тому, что вне нашего Я нечто действительно существует!

Полагая, что мир, со всеми его знакомыми нам декорациями, просто существует, мы не достигнем этого уровня восприятия. Но, по мере углубления внимания, я обнаружу, что могу воспринять чужую волю, обладающую величием, настойчивостью и универсальностью - эпохальную мировую волю. Подобно единению с другим человеком, о чем шла речь выше, я могу погрузиться в эту мировую волю и воспринять ее инспирирующее воздействие. Осознание полученного опыта происходит ретроспективно. Оно возникает в тот момент, когда я сопоставляю воспринятое через интуицию со своими знаниями, выглядящими весьма ограниченными.

Тот факт, что в основе чувственного мира лежит воля, которую я могу осознать в Интуиции, но которая так же существует независимо от меня, определяет то, что находясь в своем обычном сознании, я ощущаю реальность чувственного мира. Другими словами, я воспринимаю его: соединяю восприятие с ассоциированным понятием. Вот почему через переживания чувственного мира можно приобрести "чувство истины". Рудольф Штайнер однажды подчеркнул, что это и есть настоящая цель естествознания: дать возможность человеку, с его обособлением от физического мира, испытать чувство истины, которое затем может стать для него ориентиром во всех сверхъестественных переживаниях (интуициях).

Осознание чужой воли, действующей в мире, какой бы странной и непонятной она нам ни казалась, является основным условием Интуиции. Интуиции обретаются посредством собственной воли человека. Чем больше внимания я уделяю этому факту, тем больше, в зависимости от качества и глубины моей воли, я могу воспринимать и охватывать волю других существ. Таким образом, личное развитие человека определяет широту и глубину его интуиций.

С точки зрения Хринологии, в микрокосмическом откровении человека Существо Христа уложено в прокрустово ложе. И чтобы осознать макрокосмического Христа, человеку потребуется широта бытия, равная всему мирозданию.

Интуиция всегда включает в себе отождествление, волевою идентичность. Глубина этой идентичности зависит от силы моего сознания. Иное существо, в зависимости от уровня своего развития, может охватить значительно больше человека, например, все бытие Космоса.

Эпилог

Представленный выше подход к Интуиции долгое время оставался недостижимым для меня, ввиду моего неумения удивляться Бытию. Лишь благодаря медитативным занятиям 1-го класса Высшей Школы Духовной Науки, посвященным изучению иерархией Престолов, я получил возможность найти путь к этому фундаментальному опыту познания Бытия.

Приведенные мной объяснения, в основном основаны на философских терминах, которые, как мне кажется, являются весьма подходящими для того, чтобы обратить внимание читателей к окружающему нас, “безмолвному” миру. Обычно, мы не придаем значение этому Духовному миру, потому что в своей повседневности мы не привыкли обращать внимание на возвышенность Бытия, и проживаем свою жизнь, будучи увлеченными духовными силами, исходящими от Иерархий, однако неосознаваемыми нами. Тем не менее, подобные переживания находятся гораздо ближе к нам, нежели чем мы можем себе это представить.

Барбаросса или сотрудничество с Духовными Существами

В главе “Страх ученого перед Имагинацией” я описал то, как во время представления драмы-мистерии в Гетеануме, я предложил “маленькому невидимому человечку” сесть мне на руку, после того, как воспринял в своем сознании его вопрос: “Почему меня никто не слышит?”. Затем, я с любовью попыталась объяснить ему, что в данный момент он вызывает беспокойство у окружающих.

Сегодня, примерно 20 лет спустя, я понимаю, что в тот момент не смог осознать всей полноты сложившейся ситуации. Я по-прежнему убежден, в существовании этого “маленького человечка”, хотя основания для этого стали другими. И сегодня, я бы сформулировал его вопрос так: “Почему ты меня не слышишь?” Или еще точнее: “Почему ты меня не слушаешь?” И я также пересмотрел бы свой ответ, принимая во внимание тот опыт в самопознании, который я приобрел с тех пор. Стоит сказать, что мои успехи не обошлись без череды неудач, о некоторых из которых я рассказал в этой книге. Например, о той, что произошла во время моей работы в институте Niscia, когда испытание нового диска из углеродного волокна, предназначенного для смешивания соков омелы, завершилось взрывом.

Подобные неудачи продолжались в моей жизни. И тогда я задался вопросом: “Почему это происходит со мной?”. Сначала мне казалось, что я никогда не пойму их причин. Я полагал, что всему виной были бессовестные выходки элементарных существ, которые получают большое удовольствие, причиняя мне вред. Но, иногда мне казалось, что эти существа наоборот, поддерживают меня, особенно, когда я делал что-то для других людей. Для меня было загадкой: то ли я работал на этих

существ, то ли они работали на меня? Книга Урсулы Буркхард о Карлике помогла мне распрощаться с теми наивными представлениями об элементарных существах, которые так распространены в нашей культуре.

Так как же развивалось мое знакомство с Барбароссой с тех пор, как я познакомился с ним? Сейчас, когда я пишу эти строки, я вновь ощущаю его присутствие. Скрестив ноги, он сидит у меня на правом плече и читает то, что я печатаю. Мои воспоминания о какой-то злости или досаде на него в прошлом, которые мешали нашему внутреннему диалогу, заставляют его непонимающе хихикать. Я спрашиваю его: “Тебе есть, что возразить против написанного?” “Вот увидишь”, — отвечает он. “Что я увижу?” - спрашиваю я.

Ответ был ошеломляющим: внезапно, без какого-либо предупреждения, мы оказываемся в его подземной мастерской, где я ничего не мог разобрать. Я лишь ощущаю то, что меня окружает, но не имею об этом никакого понятия. Мне это показалось слишком похожим на сказку, и нить переживаний между нами обрывается. Повторяю вопрос – “Что я увижу?” – и я снова оказываюсь в его мастерской. Удивительно то, что благодаря Инспирации, я понимаю, что его мастерская находится под землей. И вновь я теряю связь с Барбароссой. Я не знаю почему. Возможно, у него возникли какие-то неотложные дела.

На этом рассказе я завершаю свою книгу, потому что далее следовало бы написать введение в мир элементарных существ. Я не считаю себя достаточно способным на это. Тем не менее, мне кажется, что элементарные существа зависят от нашего с вами признания, без которого их проявления могут привести к нежелательным последствиям. Их полное отрицание человеком зачастую приводит к негативным столкновениям с ними, которые могут привести к разрушительным последствиям, как это было в случае инцидента, произошедшего в институте Hiscia. Еще я узнал, что элементарные существа зависят от нашей способности распознавать их в повседневной жизни. Отсутствие к ним интереса с нашей стороны, обрекает их на службу другим существам, связанных с человечеством отнюдь не самым миролюбивым образом. Своей книгой, я хотел бы пробудить в вас любовь к повседневности, обратить ваше внимание на те моменты в жизни, которые на первый взгляд могут казаться весьма незначительными. И как бы ни было трудно утихомирить бесконечный поток мыслей, я все же надеюсь, что вам удастся обрести такие моменты в повседневной жизни, когда благодаря Имагинации, Инспирации и Интуиции вы обретете духовной опыт, лежащий между полярностями восприимчивости и непоколебимости вашей души, опыт, который не зависит от преходящего характера этой жизни и навсегда останется с вами.

Андреас Хертч, январь 2022 год.

Список иллюстраций

Все иллюстрации принадлежат Андреасу Хертчу, за исключением:

Страница 17 - Sulz am Neckar, Annegret Heertsch. Фотограф Андреас Хертч.

Страница 22 – Виды на Нотр-Дам, <https://meinfrankreich.com/paris-aussichten-notre-dame>

Страница 36 – Фотограф Jürg Buess, используется с разрешения Hiscia Laboratory.

Об авторе

Андреас родился в 1953 году в Ганновере, Германия. Он был единственным ребенком в семье. В детстве ему хотелось играть около каждого ручейка, встречавшегося ему, что доставляло некоторые трудности его матери. Однако каких-либо сверхчувственных переживаний в ту пору у него не происходило. В возрасте 11 лет Андреасу подарили электрический конструктор, и он так понравился ему, что он принял решение: “Я буду изучать физику!”. Поступление в вальдорфскую школу в Ганновере не состоялось из-за школьного врача: “Мальчик еще не зрел. Его волосы слишком мягкие.” Немного позже волосы у Андреаса все же стали гуще, однако вальдорфская “карьера” окончательно провалилась из-за его отца, который мало того, что не понимал Антропософию, так еще и использовал любую возможность в своей аптеке, чтобы “защитить” покупателей от антропософских лекарств. Так Андреас оказался в гимназии имени кайзера Вильгельма, которая полностью оправдывала свое название. Когда ему исполнилось 14 лет, между директором гимназии и заведующим “Школой на горах” (Landschulheim am Solling)

(Везербергланд, Германия), состоялся судьбоносный для Андреаса разговор: "Уолтер, я посылаю тебе много золотых рыбок, вот эта невысокой пробы, однако ты все же должен взять ее к себе". Таким образом Андреас оказался среди учеников этой благородной школы-интерната в качестве стипендианта. Он так и не стал "золотой рыбкой", однако сильно опередил своих одноклассников в учебе и окончил школу с отличием. В Геттингене, Германия, в Институте гидродинамики им. Макса Планка он изучал физику у Эрнста Августа Мюллера, антропософа, и написал диссертацию, основанную на экспериментах с потоками частиц в микросредах. Защитив ее, Андреас стал госслужащим на должности помощника своего научного руководителя и был вынужден мучиться с бухгалтерией. Вскоре, в 1982 году, Андреас решил оставить работу по исследованию потоков в Институте Макса Планка и провести следующий год в Гетеануме (Дорнах, Швейцария), занимаясь научно-исследовательской деятельностью. Там он смог применить свои знания в области физики и технологии, сотрудничая с институтом Hiscia, который располагался в соседнем городке Арлесхайм и входил в Ассоциацию по исследованию рака. С конца 1940-х годов в это институте зародилось производство противоракового препарата Iscador, основанного на терапии соком омелы. С 1996 года Андреас занимался развитием информационных технологий в Гетеануме. Помимо этого он много лет руководил одним из его отделений. В 2018 году Андреас ушел из института Hiscia, однако продолжает оказывать поддержку многим инициативам Гетеанума. В настоящее время Андреас проживает в городе Дорнах (Швейцария).

